

НЕИЗДАННЫЕ ТВОРЕНИЯ СЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (Брянчанинова)

Святитель Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский (в миру Димитрий Александрович Брянчанинов) (1807—1867), канонизированный Русской Православной Церковью в 1988 году, принадлежит к числу ее известнейших подвижников-наставников.

Вырос он в Вологодском крае, именуемом по обилию подвижавшихся в нем святых Северной Фиваидой (по подобию Южной Фиваиды — Египетской), а закончил свой земной путь на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. «Преосвященный Игнатий, — писал в одном из своих писем к архиепископу Тверскому Алексию митрополит Московский Филарет, — исторгнул себя из службы. Иные говорят, что это на время, до открытия высшей кафедры. А мне кажется, счастлив кто мог законно устраниваться от трудностей времени, дабы внимать Богу и своей душе».

Всю свою жизнь святитель Игнатий провел в служении Богу, Святой Церкви, в стяжании спасения. Он сам шел путем правильного — православного духовного делания и вел по нему других примером своего подвига и своими многочисленными творениями.

Творения святителя Игнатия это не столько плод размышлений богослова-теоретика, сколько выражение живого опыта деятельного подвижника. Как таковые, они вводят читателя в аскетическое богословие святых отцов, помогают ему понять его дух, облегчают ему усвоение. В одном из писем, полученных святителем после издания его творения «Аскетические опыты», говорилось: «Опыты приняты с великой любовью, эта книга заменяет «Добротолюбие» для нас, будучи гораздо понятнее, чем «Добротолюбие», и содержит все, о чем говорится в «Добротолюбии». Святитель Игнатий наставляет, дает ценные советы, руководит христианина в духовной жизни.

От святителя Игнатия осталось богатое письменное наследие. Оно известно, ибо издавалось немалым тиражом.

К публикации в данном сборнике «Богословских трудов» предлагается лишь небольшая часть неизданных творений святителя, которые собрал доцент Московской Духовной академии иеромонах (в конце своей краткой жизни — 1939—1973 — игумен и профессор) Марк (Лозинский) на тему: «Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия (Брянчанинова)». Троице-Сергиева Лавра, Загорск, 1968 (машинопись, в 8-ми томах).

Прежде всего, это отдельные письма к монашествующим и мирянам. В своих письмах святитель Игнатий, отвечая на частные вопросы, касается многих сторон духовной жизни и иногда делает это полно, подробно. Вот, например, как он рассуждает об «истинном счастье»: «Первое условие сего счастья есть то, что я христианин и монах, хотя и недостойный. Во-вторых, есть кругом меня люди, на коих могу взглянуть с искреннейшей сердечной любовью...» «Наружное счастье не может вполне напитать человека; источник истинного счастья должен быть в его сердце, а эти святые, чистые воды дарует Христианину Вера...» «Познание Спасителя, а чрез то и получение блаженной вечности, есть первое счастье на земле, есть единственное сокровище человека...»

Из других творений публикуются здесь:

1. «Жизнь схимонаха Феодора». Это первое по времени творение святителя, когда он был еще послушником Димитрием. Послушник объективно описывает подвиги старца, излагает взгляд на монашество и на присущее ему «умное делание», считая его основой богоугодного жительства. «Благочестивый читатель! — обращается послушник Димитрий. — В сем жизнеописании беспристрастно обнаружены тебе и доблести и слабости старца: подражай доблестям, не осуждай слабости».

2. «Христианский пастырь и христианин-художник». Творение это изложено в форме диалога и является результатом бывших бесед святителя (тогда архимандрита) с великим русским композитором М. И. Глинкой, просившим св. Игнатия изложить на бумаге свои мысли о духе и характере православного церковного пения.

3. «Понятие о ереси и расколе». Творение полемического характера. Привлекает внимание в этом творении рассуждение святителя Игнатия об иконописании. «Все русские поняли, — утверждает он, — что итальянские картины не могут быть святыми иконами». И еще: «Россия уже не повинется и не подражает слепо Европе; она подвергает западную образованность благо-разумной критике; она желает явиться в общество Европейских государств в собственном своем характере, а не в характере, взятом на время заимобразно, на прокат».

Ради сохранения подлинности текста редакторская правка, по существу, не проводилась.

ЖИЗНЬ СХИМОНАХА ФЕОДОРА

Полезно и приятно рассматривать прошедшее: время, уничтожая влияние страстей, обнаруживает и мрачность зла, и свет добродетели. Таким образом, деяния предков соделываются лучшим наставлением для потомков. Вот цель, с которой предлагается здесь жизнеописание схимонаха Феодора.

Он родился в 1756 году, в городе Карачеве Орловской губернии от благочестивых и правочерных родителей, принадлежавших к купеческому сословию. Потеряв отца в младенчестве, был отдан матерью в дом карачевского протоиерея для обучения российской грамоте и церковному пению. Дитя, руководимое добродетельным протоиереем, ходило часто в церковь, читало добродетельные книги и, мало-помалу знакомясь с Богом, возлюбило Бога. Когда Феодор достиг юношеского возраста, родительница взяла его обратно к себе в дом, и он должен был по ее приказанию заниматься торговлей, но любовь Божия и любовь мирская не могут жить вместе в сердце человеческом. Не может оно работать в одно время двум господам: Богу и миру; если одного возлюбит, то о другом нерадети начнет (Мф. 6, 24). Так случилось и с Феодором; занимаясь торговлей в продолжение двух лет, он не мог к ней привыкнуть. И потому оставляет родительский дом и, никому не открывая своего намерения, уходит в Плошанскую пустынь, лежащую в 80 верстах от Карачева. Обителью управлял добродетельный и довольно искусный старец Серапион; братия в ней была благонравная, и чин церковного служения стройный. Однако мать Феодора скоро узнала о местопребывании его. Водимая родительскою любовью, столь естественною, она приходит в пустынь, видит там сына, принуждает его возвратиться в Карачев и заниматься опять торговлею. По времени он уходил в другую пустынь — Белые берега, но и здесь был отыскан и возвращен в Карачев к своей лавчонке. Утомленный препятствиями, думая, что его намерения монашествовать Богу не угодны, Феодор решил пешись о своем спасении посреди мира. Он принимал странных, подавал милостыню нищим, услуживал больным, ходил в церковь ко всякой службе и занимался чтением отеческих книг. Между тем в городе открылось выгодное приказчицкое место у некоторой вдовы — женщины престарелой и простодушной. На оное был приглашен Феодор и, поскольку хозяйка сама не могла заниматься торговыми оборотами, все управление дел было вручено ему. Вдова была матерью четверых дочерей, уже взрослых. Юноша, обращаясь беспрестанно с женским полом, ощутил в сердце порочную страсть... Не станем оком любопытства измерять глубину его падения. Скажем только, что, вступая в брак, он принес в сие новое состояние и некоторую укоризну совести. Движимый раскаянием, сопровождаемый глубокой печалию, он удваивает прежнее усердное служение странным и прочие добрые дела, которые во время расстройства душевного были им почти забыты. Но печаль не престаёт снедать его сердце. Что ж делает Феодор? Решается на поступок необыкновенный и, по общественному порядку, неправильный. Он отправляется для богомолья в Киев, взяв с собой четыре рубля с полтиною и, поклонившись мощам угодников Печерских, идет к тогдашним границам с Польскою Подолиею, переходит оное и устраивается в молдавский Свято-Вознесенский Нямецкий монастырь. Сей монастырь находился ниже

Ясс, в 120 верстах от оных при подошве Карпатских гор. В нем было тогда около 700 братьев из различных народов, а настоятелем — россиянин, уроженец полтавский, архимандрит Паисий Величковский, имевший большие природные способности, превосходное монашеское образование. Сначала он безмолвствовал в Афонской горе с другим единомудренным братом, отыскивал в тамошних библиотеках отеческие книги и прочитывал их с глубоким вниманием. Чем более вникал он в сии книги, тем более убеждался в необходимости умного делания, которое предписано нам во Святом Евангелии, которым занимались все святые, без которого, как говорит Великий Варсонофий, суетны подвиги телесные. Паисий, возложась на помощь Божию, занялся умным деланием и так успел в оном, что удостоился благодатных даров, подобно монахам древних времен; в особенности раскрылось в нем отличное дарование руководить ближних в духовной жизни. Многие афонские иноки начали с ним советоваться и получали пользу, от сего возрастала к нему доверенность и число приверженных. Доверие мало-помалу превратилось в безусловное послушание. Тогда необходимость понудила Паисия и чад его составить правильное общество по уставам иноческим, для чего с дозволения турецкого правительства они переселились из Святой горы в Молдавию, сперва в запустевший монастырь Драгомирску, а оттуда в Нямецкий. Порядком и добродетельною жизнью обитель Нямецкая напоминала общежитие Тавеннисийской киновии Феодосия и Саввы. Паисий был полезен не только для одного монастыря своего, но и для Церкви. Он перевел с эллино-греческого языка на славянский многие отеческие книги, как-то: Добротолюбие, св. Исаака Сирианина, св. Симеона Нового Богослова, Варсонофия Великого, Иоанна Лествичника. Сии переводы, хотя по древнеобразному слогу затруднительны, но тем драгоценны, что с необычайною точностию выражают деятельные мысли отцов и сохраняют всю силу подлинников.

Когда Феодор пришел в Молдавию, Паисий был уже лет весьма преклонных. Изможденный трудами и болезнями, он редко выходил из келлии. Приближенные его не соглашались принять Феодора по многочисленности братства и по затруднительному содержанию. Странник находился в крайности: деньги, бывшие при нем, истощились, летнее платье, в котором он вышел из Карачева, обветшало от путешествия. Наступила зима. Он было решился идти обратно в Россию и просил, чтобы допустили его по крайней мере принять благословение старца. Сие позволено; Паисий увидел рубище и жалостное положение юноши, прослезился, утешил его, присвокупил к своему стаду, строго запретив, чтобы впредь никому не отказывать без его веденія. В обители находилось шесть духовников; каждый имел у себя назначенное число братьев, которых он обязан был исповедовать, наставлять в духовной жизни и помогать им в сердечных бранях. Из сих духовников опытейшим почитался иеросхимонах Софроний, по кончине Паисия управлявший Нямецким монастырем. Софронию был вручен Феодор для душевного назидаения, а для трудов монастырских определен в хлебню. В общежительном монастыре печение хлебов есть тяжелое послушание по многолюдству братии и по обычаю общежитий предлагать пищу всем богомольцам, коих иногда бывает тысячи. Проведя несколько дней в хлебне, Феодор видит сон: ему представился широко разложенный огонь, пред коим стояло множество людей, как будто приготовленных к истязанию. В числе прочих был и он. Внезапно явились некоторые необыкновенные мужи, похитили его из среды множества и ввергнули в пламень. «Отчего бы, — размышлял он, — из толкого числа я один брошен в сей свирепый огонь?» «Так угодно Богу», — отвечали мужи. Сие сонное видение Феодор рассказал старцу Софронию, который растолковал оное следующим образом: многим пламенем означает горнило искушений, ку-

да ввергаются иноки, отлучающиеся мира, дабы работать единому Господу. В обители Нямецкой сохранялся обычай, древний обычай, по которому всяк, вступающий вновь в монастырь, должен был исповедать духовнику все грехи, соделанные от младенчества. И в самом деле, весьма прилично начинать поприще покаяния и плача о грехах исповеданием грехов; притом наставник, узнав наши слабости и поползновения, удобнее может нас управлять, предохранять и руководить. По сему обычаю Нямецкого монастыря Феодор поведал старцу Софронию все грехи, соделанные всю жизнь, и был отлучен на пять лет от причащения Святых Христовых Таин. Феодор впоследствии сказывал: «С каким тщанием исповедовал меня старец, что сия исповедь продолжалась более часа».

Когда усмотрели в Феодоре большую горячность к подвигам, то перевели его из хлебни в пчельник, над которым главный надзор имел весьма строгий старец. Здесь, кроме телесных трудов, должно было переносить часто укоризны. В сем послушании он находился два года; потом его сделали помощником в просфорне в монастыре Секуле, который стоит от Нямецкого в 12-ти верстах, и от одного тогда зависел, так же как и многие другие скиты и пустыни. Одна из таковых пустынь была на потоке Поляна Ворона в 5-ти верстах от скита того же имени. В ней жили два друга: иеросхимонах Николай и схимонах Онуфрий, уроженцы черниговские, привлеченные из России в Молдавию слухом о высоких достоинствах Паисия. Они шли путем царским, что в монашеском смысле означает благоразумную умеренность в подвигах и взаимный совет двух или трех иноков, вместе безмолвствующих. Таковое название почерпнуто из слов Царя верных и Царя всех Господа Иисуса Христа: «Идеже еста два или трие, собрани во имя Мое, ту есмь посреди их» (Мф. 18, 20). Николай наблюдал в постоянном молчании за своим сердцем; Онуфрий по благословению настоятеля принимал братьев, приходивших к нему для душевного назидания. Оба старца были уже в летах; а Онуфрий притом чувствовал большую слабость и боль в желудке, который он расстроил в юности неумеренным постом. Архимандрит обратил внимание на старость и болезненное состояние Онуфрия и, дабы оказать ему вспоможение, повелел молодому, наделенному хорошею телесною силою Феодору переселиться в пустынь на поток Поляну Ворону и услуживать старцам.

Таким образом, Феодор переходит от послушания к послушанию. До сих пор он упражнялся в телесных трудах и повиновался телесно, то есть в своих трудах следовал не своей, но ближнего воле; теперь он начал знакомиться с послушанием духовным, мысленным, то есть мыслить и чувствовать не по своей воле, но по указанию ближнего. Если телесное послушание затруднительно и болезненно, то сколь труднее и болезненнее одного послушание мысленное и духовное? Если первое делает человека благонравным, то второе не сделает ли его святым? В наши времена известно более послушание первого рода, а святые отцы заповедуют и похваляют более послушание второго рода, от коего первое само по себе истекает. Они его называют духовным мученичеством, распятием своей воли, скорейшим, удобнейшим, правильнейшим путем к достижению святости, последованием Спасителю, Который был послушлив до смерти, смерти крестной. От сего послушания рождается болезненное сердечное чувство, называемое плачем, и мысль, постепенно охладевая ко всему временному, начинает непрестанно притекать и припадать к Богу, в чем и состоит начало истинного умного делания.

Пустынное уединение доставило Феодору возможность исповедовать все помыслы и чувствования старцу Онуфрию, который имел о нем отеческое попечение. Узнав собственным опытом, что неумеренное воздержание — как и невоздержание, он убеждал ученика своего не возлагать упования единственно на телесный подвиг, но, обре-

меняя тело умеренно, все старание обращать к очищению сердца, из коего, по слову Спасителя, исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, татбы и прочее зло, оскверняющее человека (Мк. 7). Сии пустыnnики имели прекрасный обычай причащаться ежемесячно Святых Христовых Таин, для чего они ходили в скит.

Когда однажды по сей причине Феодор пошел в скит, напали на их пустынь разбойники, похитили небольшое количество съестных припасов и прибили обоих старцев столь жестоко, что они едва могли выздороветь через продолжительное время. Потом Феодор занемог сильною горячкою. Был почти на краю гроба и с трудом пришел в прежние силы. Промысл Божий посылает скорби рабам Своим и скорбями искушает их верность.

Протекли 5 лет по пришествии Феодора на поток Поляна Ворона, и старец Онуфрий, отягченный летами и болезнями, скончался. Кончина его была довольно тяжела: 12 часов он томился и произносил как бы ответы на различные вопросы. Некоторые опытные старцы предполагали, что попушено было ему грозное истязание за излишнюю строгость над теми, кои советовались с ним в своих душевных недугах. Когда же через 3 года, по тогдашнему обычаю Нямецкого монастыря, осмотрели его тело, то нашли главу и перси нетленными во свидетельство спасения.

По смерти Онуфрия Феодор жил в пустыни с Николаем полгода, потом переместились они оба в Нямецкий монастырь.

Около сего времени переведена архимандритом Паисием книга святого Исаака Сирианянина, которую Паисий по ее духовному достоинству называл избранным златом. В ней с особенной ясностью и подробностью изложено, каким образом душа очищается Христовыми заповедями, каким образом благодать Божия сама собою вселяется в чистые души и ознаменовывает Свое вселение различными действиями, как-то: непрестанною молитвою, всегдашними слезами, необыкновенною радостью, независимыми от внешних обстоятельств. Паисий весьма желал распространения сей книги, ибо большая часть монахов нынешнего времени, не зная, что в науку монашества есть свое введение, начало, середина и конец, тотчас ищут раскрыть в себе благодатные действия (как будто Бог подчинен воле человеческой!), не позаботясь наперед сделать сердце способным к приятию Божества. От сего неправильного действия, основанного на ложных понятиях, обыкновенно рождаются двух родов последствия: или бесплодность, или произрастание плодов ложных, вместо плодов истинных.

Братия Нямецкой обители по доверенности к настоятелю и по собственному признанию с большим усердием переписывали книгу святого Исаака Сирианянина. Николай и Феодор также переписали оную для себя уставным письмом. Паисий, желая оказать услугу и российскому монашеству, приказал Феодору вторично переписать упомянутую книгу с особенным тщанием на хорошей бумаге и отправил оную к Высокопреосвященнейшему Гавриилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому, убеждая его, дабы повелел оную напечатать и разослать по монастырям российским. Неизвестно, получена ли сия книга архипастырем. Впоследствии некоторый богобоязливый житель Москвы дарит Феодора книгою, в которой сей узнает сочинение святого Сирианянина, им переписанное для Высокопреосвященнейшего Гавриила по повелению Паисия и подписанное рукою сего старца.

Между тем безмолвный Николай начал весьма ослабевать от старости и болезни. Он чувствовал необыкновенный холод во всем теле и большую часть времени проводил на постели. Феодор служил ему с особенным усердием, целовал его руки и ноги и, раскрывая свои недра, оными согревал охладевшие члены старца. Николай умер весьма тихо в объятиях Феодора, и когда чрез три года осмотрели умерше-

го, то нашли его совершенно нетленным. Феодор, продолжая заниматься различными трудами, жил в Нямецком монастыре до 1801 года. Вслед за Николаем скончался архимандрит Паисий, коего преемником в управлении избран старец Софроний, лишенный зрения и согбенный под бременем лет, но богатый духовными дарованиями. Сей новый настоятель весьма любил Феодора и, видя его ревность к подвигам иноческим, постриг его в схиму.

В 1801 году вступил на престол Российский государь император Александр Павлович. Милостивый Манифест, им обнародованный, позволял свободное возвращение в Россию бежавшим из оной. Сие дозволение Российского монарха подало мысль архимандриту Софронию, родом также россиянину, пересадить несколько лоз из Нямецкого монастыря в отечество, дабы и отечество воспользовалось духовными трудами и дарованиями Паисия. В числе прочих назначено и Феодору оставить Молдавию. Какие же богатства понес с собою инок сей из Нямецкой обители? Какое направление получил он от жительства с Паисием?

Природа одарила Феодора здоровым и крепким телосложением, которое при содействии горячего нрава обыкновенно располагает человека к деятельности и подвигам. И Феодор любил нестяжание до нищеты, бдение, продолжительные стояния на молитве, труды телесные, пост, строго наблюдая оный и в качестве и в количестве пищи. Притом ему известно было, что очищается душа единственно заповедями Христовыми, а не телесными трудами, кои, утомляя плоть, облегчают нам исполнение заповедей Христовых. И потому с большим усердием ходил за больными, принимал странных и совершал прочие дела милосердия. Еще в нем было важное достоинство: он выдержал жестокую войну с плотскою страстию и, получив опытность в сей войне, мог пользоваться других советами.

Российские монастыри отставали благоустройством от Нямецкого: в них и церковное богослужение совершалось с меньшею стройностию, и относительно пищи делались от устава некоторые, впрочем малозначащие, отступления, и сами монахи недовольно имели понятия о истинной духовной жизни, занимаясь почти исключительно телесными трудами. Кажется, сие состояние монастырей и монахов российских имело не безвредное влияние на Феодора, жившего продолжительное время в обители благоустроеннейшей и посреди искуснейших монахов того времени. Поистине тесен путь, ведущий в живот: ибо, с одной стороны, стесняют его наши неправды, а с другой — самые правды, когда они сопряжены с презрением и осуждением ближнего.

Путешествие Феодора из Молдавии в Россию наставительно. Деньги, данные ему на дорогу и попечение о своем теле, он вручил безотчетливо спутникам и в путешествии пребывал как бы в келлии, не заботясь ни о чем суетном и непрестанно занимаясь богомыслием. Так достиг он Орла и по назначению тогдашнего епископа Досифея поместился в Волненном монастыре. Его супруга была еще в живых, но Феодор отказался от свидания с нею и вообще, узнав собственным горестным опытом, сколь человек удобопреклонен ко греху, наблюдал большую осторожность от женского пола: он, хотя и принимал к себе в келлию жен, однако никогда не беседовал с ними без свидетеля, и учеников своих обучал тщательному хранению чувств, в особенности зрения, каковым хранением избегаем был многих волнений.

Монастырь имел штатное положение. Феодор, пожив в оном короткое время, рассудил переместиться в Белобережскую пустынь, общежительную пустынь, начинавшую тогда приходить в цветущее состояние под управлением строителя Леонида, его духовного друга. Обители сей и ее настоятель Феодор оказал большую услугу своими познаниями в монашеской жизни, примером и советами. Им руководимый строитель с полным отречением самолюбия завел в монастыре общежитие в на-

стоящем его смысле. Какова была одежда на начальнике, точно таковая же на последнем послушнике; выходили братия на труды — начальник был впереди их, и ко всякой работе рука его прикасалась прежде всех других. Церковное служение совершалось с глубоким благоговением, со всеми чтениями на всенощных бдениях и утренях, со всею стройностию, столько приличною богослужению. Трапеза была общая, во время оной соблюдалось молчание, лишь прерываемое душеполезным чтением чередного брата, учрежденным к поддержанию в ненарушимости молчания.

Но для общежития мало того, чтоб трапеза была общая, труды общие, одежда одинаковая; нужно, чтобы сердце было едино и душа была едина. Для достижения сего Феодор приучал братию к соблюдению животворящих Евангельских заповедей, приучал благословлять кланяющихся, никого не осуждать, подвизаться втайне, милловать, веровать, молиться, претерпевать до конца, прощать, дабы быть прощенным.

Довольно ли сего для истинного духовного единения?

Услышим, что скажет нам Евангелие, или лучше, что скажет Господь Иисус Христос, чрез Евангелие говорящий: «Имей заповеди Моя, — научает Спаситель, — и соблюдая их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим; и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам. ... Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему придем и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 21 — 23).

Тот, в чьем сердце обитает Сама Любовь, Господь Иисус Христос, за грешников распявшийся, за распинателей молившийся, о убийцах своих плакавший, — тот может ли не вмещать в сердце своем всех ближних и по любви не быть с ними едино? Высокая степень, на которой стояли величайшие святые! Крайняя ступень лестницы, возводящей от земли на небо, к которой посредствующими ступенями служат все прочие добродетели! Кто желает стяжать единение с Богом и ближними, да стяжет Христа; кто желает стяжать Христа, да привлекает Его в себя соблюдением по возможности точным Его святых заповедей; кто желает научиться соблюдению Его заповедей, да прочитывает часто с живою верою Евангелие Христово.

Феодор каждый день читывал определенное число глав из святого Евангелия; читал он прочие книги, монашескому чину соответствующие, но чтение Евангелия повторялось непременно каждый день, как повторяется каждый день употребление пищи. Священнейшая книга сия стояла в келлии Феодора вместе с иконами, и он говаривал: «В Евангелии сокровен Христос; хотящий найти Его обретает Его в Евангелии».

Феодор имел весьма хорошее понятие и о догматах. Сам не читал и ученикам строго запрещал читать еретические книги, даже не терпел, чтоб в келлии его было какое-либо сочинение, содержащее в себе хулу на Бога. «Не хочу, — повторял он слова святого Кириака, — не хочу врагов Божиих иметь в своей келлии».

По времени болезни принудили строителя Леонида уклониться от настоящей должности. Устроив за монастырскою оградою, в лесу, безмолвную хижину, он переселился туда с другом своим Феодором; они жили там три года, но, тревожимые беспрестанно посетителями, решили избрать для своего уединения место, где бы они были сколько можно менее известны. С сею целию в 1811 году Феодор с дозволения епархиального начальства вышел из Белых берегов и пустился к Новоезерскому монастырю, находящемуся в восточном конце Новгородской епархии, тогда управляемому добродетельным игуменом Феофаном. Под ведомством Новоезерского монастыря состоял скит преподобного Нила Сорского, основанный сим угодником в XV веке, — место весьма безмолвное, окруженное лесом, далеко отклонившееся от мирских селений. Посреди обители стоит деревянная простенькая церковь; кругом оной раскинуто несколько убогих хижин, в коих иноки по уставу основателя проводили пять дней недели, занимаясь молитвою, слезами и рукоделием, а в субботу и

воскресение стекались в храм для служения Божественной литургии и Святого Причащения. В скиту всегда употреблялась постная пища, и вход в оный женскому полу был совершенно воспрещен, как обыкновенно во всех скитах водится. Полюбилось сие место Феодору; равно и Феофану желалось поместить в скит Феодора, как мужа давно ему известного с весьма хорошей стороны. Феофан написал по сему предмету к Высокопреосвященнейшему митрополиту Амвросию письмо, с коим Феодор и отправился в С.-Петербург.

Не возвестилось митрополиту исполнить просьбу старцев: он рассудил лучше послать Феодора в Палеостровскую обитель, лежащую на острове Онежского озера и тогда возобновляемую. Палеостровская обитель возобновлялась. Строитель оной был человек усердный, имевший значительный капитал; он поправлял, как умел, монастырское строение, учреждал хлебопашество, скотоводство, расчищал покосы. Вскоре образ жизни Феодора показался для него странным; вскоре и Феодор увидел, что ему несовместно жить в Палеостровской обители, в которой устроится только одно хозяйство, а существенное устройство монастыря упущено. Он томился духом и, наконец, когда был принуждаем вкушать скоромную пищу в понедельник, вторник и четверги, противно правилам схимонахов, воспротивился строителю. Разразилась ссора. Строитель начал жаловаться начальству, которое погрозило Феодору лишением монашеского чина.

Два года терпел Феодор различные притеснения в Палеостровской обители и слышал повторяемые угрозы начальства по донесению настоятеля о неповиновении подчиненного. Опасаясь, чтобы сии неприятности не окончились чем-либо еще более неприятным, он решил идти к митрополиту для личного объяснения и был переведен в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, однако с запрещением носить в продолжение года рясу и камилавку за самовольное отлучение от Палеострова. Феодор прибыл в Валаамский монастырь в 1813 году. Еще прежде его переселились в сию обитель из Белобережской иеросхимонах Леонид и Клеопа, выходец Нямецкий, со многими другими учениками Феодора. При Валаамском монастыре находился скит, подобный скиту преподобного Нила Сорского; в оный помещены были Феодор и духовные друзья его. Бесспорно Валаамский монастырь, коего основание относят ко времени равноапостольной княгини Ольги, должен занять после Соловецкой обители первое место между монастырями российскими по удобности к строгой монашеской жизни. Гранитные скалы, поднимаясь из глубокого и широкого Ладожского озера, образуют несколько разделенных между собою проливами островов, из коих на главнейшем, имеющем в окружности около 25 верст, стоит уединенная обитель, устроившаяся на край России от суеты мирской, день и ночь оглашаемая Божественным славословием. Ближайший берег в 30-ти верстах; озеро очень бурно, в особенностях весною и осенью, по сей причине, равно и по отдаленности от Петербурга богомольцев бывает мало; обитель к содержанию имеет прочные средства, устав монашеский строг, церковное служение продолжительно; убогая одежда, простая трапеза для всех одинакова, трудных послушаний довольно, братство многочисленное. Валаам с высоких пустынных утесов созывает к себе всех ревнителей строгого подвижничества и безмолвия. Кажется, Феодор мог бы найти здесь давно желанное успокоение — случилось иначе.

И здесь грех отыскал себе пристанище; и здесь для ссоры нашлась пища, и здесь строгое, может быть, даже излишне строгое наблюдение отеческих преданий вооружилось противу заповеди Евангельской. В Валаам вошли в употребление при церковном служении поклоны, не предписанные церковным уставом; также поставлялось на трапезе постное масло в некоторые постные дни, в кои в обители Нямецкой

предлагался только сок конопляный. Сии упрощения и оным подобные строго осуждал Феодор и, стремясь к исправлению таковых упрощений, нарушил общий мир и спокойствие. Чем затмилось в его сердце сияние заповедей Христовых? Чем заглушен был глас Спасителя: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). «О сем разумеют вси, яко ученицы Мои есте, аще любовь имате между собою» (Ин. 13, 25)? Какой мысленный тать украл из его памяти духовномудрое наставление¹ старца Софрония, советовавшего и умолявшего предпочитать всякой правде правду Евангельскую? Многие из братии разделили мнение Феодора; весь монастырь объяло смущение, и духовное начальство, дабы преградить беспорядок, принуждено было вывести схимонаха из Валаамского в Александро-Свирский. Сие случилось в 1819 году. Феодору сопутствовал верный друг его Леонид; Клеопа за несколько времени до сего окончил свое земное течение.

Оставив строгую обитель, Феодор не оставлял строгого жительства, доколе не изменили ему телесные силы. В 1821 году почувствовал он сильную простуду, которая расслабила все тело и причиняла сильную головную боль. Феодор переносил болезненные припадки с терпением и благодарением, часто произнося сии слова: «Слава Тебе, Боже мой! Благодарю Тебя, Боже мой, что Ты накажешь меня в сем временном веке!» Болезнь сия была к смерти, продолжалась полтора года, изможила его тело, умягчила дух. Заметили, что он сделался для учеников своих снисходительнее, и вообще во всех случаях оказывал гораздо более милосердия, нежели прежде.

Однажды у окошек его келлии собрались дети играть; Леонид, услышав шум и зная постоянную приверженность Феодора к безмолвию, хотел прогнать детей. Феодор остановил его, сказав: «Их гласы кажутся мне гласами ангелов».

Феодор скончался тихо в пятницу на Светлой неделе в 9 часов вечера 1822 года, будучи 66 лет от роду, сподобившись Пречистых Христовых Таин и святого Елеосвящения². За день до кончины пришел он в некоторый род забывчивости и видит себя в каком-то большом храме, в котором совершается богослужение и на всех клиросах стоят мужи в светлых белых одеждах. Один из сих мужей сходит с правого крылоса и, приближаясь к Феодору, говорит: «Феодор! Время тебе отдохнуть, приходи к нам». Феодор, узнав в сем муже покойного иеросхимонаха Николая, очнулся.

Благочестивый читатель! В сем жизнеописании беспристрастно обнаружены тебе и доблести и слабости старца: подражай доблестям, не осуждай слабости. Что свойственнее немощи человеку? Кто может похвалиться безгрешием? Кто прошел весь путь жизни, никогда не споткнувшись? Однако, видя духовного мужа, укрепленного прочным монашеским воспитанием и долговременными опытами, омрачаемого и колеблемого грехом, не должны ли мы за себя утрапиться.

Точно, страх да будет во всю жизнь нашим спутником, а руководителем — упование на Бога. Сии два пестуна могут благополучно привести нас ко вратам Царствия Небесного, которые да отверзет милосердный Господь всякому толкушему прилежными молитвами и смиренным сознанием своих недостатков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Старец Софроний в весьма трогательном письме, носящем печать духовного помазания, советует нямецким воспитанникам в России уклоняться всяких распрей об уставе и сохранять любовь и согласие.

² По индиктиону в 1822 году Пасха 2 апреля, следовательно, кончина 7 апреля.

ХРИСТИАНСКИЙ ПАСТЫРЬ И ХРИСТИАНИН-ХУДОЖНИК

Художник. Прихожу к тебе за искренним советом. Душа моя с детства объята любовью к изящному. Я чувствовал, как она воспевала какую-то дивную песнь кому-то великому, чему-то высокому, воспевала неопределительно для меня самого. Я предался изучению художеств, посвятил им всю жизнь мою. Как видишь, я уже достиг зрелых лет, но не достиг своей цели. Это высокое, пред которым благоговело мое сердце, кого оно воспевало, еще вдали от меня. Сердце мое продолжает видеть его, как бы за прозрачным облаком или прозрачною завесой, продолжает таинственно, таинственно для самого меня, воспевать его: я начинаю понимать, что тогда только удовлетворится мое сердце, когда его предметом соделается Бог.

Пастырь. С того, чем ты кончил твою речь, начну мою. Точно, один Бог — предмет, могущий удовлетворить духовному стремлению человека. Так мы созданы, и для этого созданы. Человеку дано смотреть на Творца своего и видеть Его сквозь всю природу, как бы сквозь стекло, человеку дано смотреть на Него и видеть Его в самом себе, как бы в зеркале. Когда человек смотрит на Бога сквозь природу, то познаёт Его неизмеримую силу и мудрость. Чем больше человек приучается к такому зрению, тем больше Бог представляется ему величественным, а природа утрачивает пред ним свое величие, как проводник — и только — чудного зренья. От зренья Бога в нас самих мы достигаем еще больших результатов. Когда человек увидит в себе Бога, тогда зритель и зримое сливаются воедино. При таком зрении человек, прежде казавшийся самому себе самостоятельным существом, познаёт, что он создание, что он существо вполне страдательное, что он сосуд, храм для другого Истинно-Существа. Таково наше назначение: его открывает нам христианская вера, а потом и сам опыт единогласным свидетельством ума, сердца, души, тела. Но прежде этого опыта другой опыт свидетельствует о том же: ни созерцание природы, ни созерцание самих себя не может удовлетворить требованию нашего духа, с чем должно быть сопряжено величайшее, постоянное блаженство. Где нет совершенного блаженства, там в сердце еще действует желание; когда ж действует желание, тогда нет удовлетворения. Для полного удовлетворения, следовательно и блаженства, необходимо уму быть без мысли, то есть превыше всякой мысли, и сердцу без желания, то есть превыше всякого желанья. Не могут привести человека в это состояние и усвоить ему это состояние ни созерцание природы самой по себе, ни человека самого по себе. Тем более это невозможно, что в обоих предметах очень перемешано добро со злом, а блаженство не терпит ни малейшей примеси зла: оно — наслаждение цельным добром.

Художник. Почему же мы не видим этой теории в применении к практике?

Пастырь. Такое применение всегда трудно найти между людьми, особливо в настоящее время. Но оно и существовало во все времена христианства, и существует ныне, — не примечается толпою, которая, стремясь почти единственно к материальному развитию, не может сочувствовать истинно изящному, увидеть, понять его

и оценить. Люди, одаренные по природе талантом, не понимают, для чего им дан дар, и некому объяснить им это. Зло в природе, особенно в человеке, так замаскировано, что болезненное наслаждение и очаровывает юного художника, и он предается лжи, прикрытой личиною истинного, со всею горячностью сердца. Когда уже истощатся силы и души и тела, тогда приходит разочарование, по большей части ощущаемое бессознательно и неопределительно. Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натяннут.

Художник. Не могу не согласиться с этим! Искусства возвысились до высшей степени в изображении страстей и зла, но, повторяю твои слова, они вообще бледны и натяннуты, когда они пытаются изобразить что-нибудь доброе, тем более Божественное. Мадонна Рафаэлева, это высочайшее произведение живописи, украшена очаровательным характером стыдливости. Когда является в девице стыдливость? Тогда, когда она начнет ощущать в себе назначение женщины. Стыдливость — завеса греха, а не сияние святости. Таков характер «Херувимских» Бортнянского, таковы — характер «Есфири и Гофолии» Расина, характер «Подражания» Фомы Кемпийского*, из них дышит утонченное сладострастие. А толпа пред ними и плачет, и молится!.. Но я хочу знать, какое средство может доставить художнику изображать добродетель и святость в их собственном неподдельном характере?

Пастырь. Прекрасно уподоблено Евангелием человеческое сердце сокроушнице, из которой можно вынимать только то, что в ней находится. Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца евангельские ощущения. Первое дается изучением евангельских заповедей, а второе — исполнением их на самом деле. Плоды дел, то есть ощущения, последующие за делами, складываются в сердечную сокроушницу человека и составляют его вечное достояние. Когда усвоится таланту Евангельский характер, — а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято. О самом теле нашем мы можем только иметь правильное понятие, когда оно очистится от греха и будет проникнуто благодатию. Изменения тела не ограничиваются и не оканчиваются одною земною жизнью. Здесь мы видим, что оно с зачатия своего до разлучения смертию непрестанно изменяется; многие изменения его остаются для многих неизвестными; оно должно еще окончательно измениться воскресением и, посредством его, вступить в неизменяющийся мир или вечного духовного блаженства, если только соделалось к нему способным, или вечной смерти, если оно во время земной жизни подчинилось греху. Чтоб мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу. Недостаточно воображать добро или иметь о добре правильное понятие: должно вселить его в себя, проникнуться им. Тем более это необходимо, что ясное понятие о добре есть вполне практическое; теория показывает только средства, как стяжать понятие о добре. Ясное понятие о добре есть уже самое добро, потому что добро в сущности есть мысль, есть дух, есть Бог. «Вкусите и видите» (Пс. 33, 9), — говорит Писание. Итак, духовное понятие — от духовного ощущения.

Художник. Какие мысли и соответственные им чувствования могут быть признаны достойными Бога, чтоб художник знал, что возможно ему изобразить искусством? Возьмем для большей ясности частный предмет, например в церковном песнопении.

Пастырь. Первое познание человека в области духовной есть познание своей ограниченности, как твари, своей греховности и своего падения, как твари падшей. Этому познанию гармонирует чувство покаяния и плача. Большая часть людей находится в состоянии греховности. Самые праведники подвергаются весьма часто тонким согрешениям и, как они очень внимательно наблюдают за собою, то и признают себя грешниками гораздо более, нежели все вообще люди; притом они по чистоте ума гораздо яснее других людей видят свою ничтожность в громадности и истории мира. На этих основаниях они усваивают себе чувство покаяния и плача гораздо более своих собратьев, мало внимающих себе. И потому чувство покаяния и плача есть общее всему роду человеческому. Этим чувством преисполнены многие песнопения, начиная с многозначительной молитвы, так часто повторяемой при богослужении: «Господи, помилуй». В этой молитве все человечество плачет, и с лица земли, где оно разнообразно страждет, и в темницах, и на тронах вопиет к Богу о помиловании. Однако не все церковные песнопения проникнуты плачем. Чувство некоторых из них, как и мысль, заимствованы, можно сказать, с Неба. Есть состояние духа, необыкновенно возвышенное, вполне духовное, при котором ум, а с ним и сердце останавливаются в недоумении пред своим невещественным видением. Человек в восторге молчит всем существом, и молчание его превышает и разумнее всякого слова. В такое состояние приходит душа, будучи предочищена и предуготована глубоко-благочестивою жизнью. Внезапно пред истинным служителем обнаружится Божество непостижимым образом для плотского ума, образом, которого невозможно объяснить вещественным словом и в стране вещества. В этом состоянии пребывают высшие из Ангелов — пламенные Херувимы и шестокрылатые Серафимы, предстоящие Престолу Божию. Одними крыльями они парят, другими закрывают лица и ноги и вопиют не умолкая: «Свят, свят, свят Господь Саваоф». Неумолкающим чрез века повторением одного и того же слова выражается состояние духа, превышающее всякого слова: оно — глаголющее и вопиющее молчание. И высоко парят чистые и святые умы, и предстоит Престолу Божества, и видят славу, и закрывают лица, и закрывают все существо свое: величие видения совокупляет воедино действия, противоположные друг другу. В такое состояние приходили иногда и великие угодники Божии во время своего земного странствования. Оно служило для них предвкушением будущего блаженства, в котором они будут участвовать вместе с Ангелами. Они передали о нем, сколько было возможно, всему христианству, назвав такое состояние состоянием удивления, ужаса, исступления. Это состояние высшего благоговения, соединенного со страхом; оно производится живым явлением величия Божия и останавливает все движения ума. О нем сказал святой пророк Давид: «Удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему» (Пс. 138, 6).

Чувством, заимствованным из этого состояния, исполнена Херувимская песнь; она и говорит о нем. Им же исполнены песни, предшествующие освящению Даров: «Милость мира жертву хваления» и проч. Особенно же дышит им песнь, воспеваемая при самом освящении Даров. Так высоко совершающееся тогда действие, что, по смыслу этой песни, нет слов для этого времени... нет мыслей! Одно пение изумительным молчанием непостижимого Бога, одно чуждое всякого многословия и велеречия Богословие чистым умом, одно благодарение из всего нашего существа, недоумеющего и благоговеющего пред совершающимся таинством.

После освящения Даров поется песнь Божией Матери — и при ней выходит сердце из напряженного своего состояния, как бы Моисей с горы из среды облаков и из среды громов, где он принимал закон из рук Бога, выходит, как бы на широкую равнину, в чувство радости святой и чистой, которой преисполнена песнь «Достойно».

Она, как и все песни, в это время певаемые Божией Матери, в которых воспеваются Посредница вочеловечения Бога Слова, преисполнена духовного веселия и ликования. Бог, облеченный человечеством, уже доступнее для человека, и когда возвещается Его вочеловечение, невольно возбуждается в сердце радость. Остановимся на этих объяснениях.

Художник. Согрелось сердце мое, запылал в нем огонь — и песнопения мои отसे-ле я посвящаю Богу. Пастырь! Благослови меня на новый путь.

Пастырь. Вочеловечившийся Господь уже благословил всех приступать к Нему и приносить себя Ему в словесную жертву. Его благословения тебе вполне достаточно; и я только этому свидетель. Престань скитаться, как в дикой пустыне между зверей, в плотском состоянии, среди разнообразных страстей! Войди во Двор Христов вратами — покаянием и плачем. Этот плач родит в свое время радость, хотя и на зем-ли, но не земную. Духовная радость — признак торжества души над грехом. Пой плач твой, и да дарует тебе Господь воспеть и радость твою, а мне услышать песни твои, возрадоваться о них и о тебе, о них и о тебе возблагодарить, прославить Бога. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Книга «Подражание» есть не что иное, как роман, подыгрывающий под тон Евангелия и ставимый на ряду с Евангелием умами темными и не отличавшими утонченного сладострас-тия от Божественной благодати. — *Авт.*

ПОНЯТИЕ О ЕРЕСИ И РАСКОЛЕ

1. Ересь — ложное учение о христианстве

Ересь — слово греческое (αἵρεσις) — значит вообще какое-либо отдельное учение. Так, христианское учение при появлении своем иногда называлось ересью (Деян. 28, 22). Но впоследствии название «ересь» усвоилось единственно произвольному и ложному учению о христианстве, отделявшемуся и отличавшемуся от учения Единой, Святой, Соборной, Апостольской Церкви.

Христианство есть Божие учение, есть Откровение Божие. Оно, как познание, дарованное человекам Богом, должно быть принято и содержимо с величайшим благоговением и покорностью, подобающими этой величайшей святыне. Оно может быть принято и содержимо одною смиренною верою, как вполне превысшее человеческого разума. Это — та духовная, таинственная книга (Апок. 22, 18, 19), книга ведения Божия, начертанная и изданная Богом, к которой невозможно приложить ничего, из которой невозможно исключить ничего. Отсюда явствует, какой тяжелый грех — ересь. Она — возмущение и восстание твари против Творца, восстание и возмущение ничтожнейшего, ограниченнейшего существа — человека против всесовершенного Бога. Она, — страшно сказать, — суд человека над Богом и осуждение человеком Бога. Она — грех ума, грех духа. Она — хула на Бога, вражда на Бога. Она — плод гордыни, этой причины падения падших ангелов. И последствия падения ею очень схожи с последствиями падения отверженных духов; она омрачает разум, ожесточает сердце, на самое тело разливает яд свой, вводит в душу вечную смерть. Она не способна к смирению¹. Она соделывает человека вполне чуждым Бога. Она — смертный грех. Как плод гордыни, ересь держит в железных цепях своего пленника, и редкий пленник исторгается из цепей ее. Упорство в ереси есть свойство еретика.

Первыми еретиками были христиане из иудеев, которые, по наружности уверовав во Христа, хотели вместе с этим держаться обрядового и гражданского закона Моисеева в буквальном его смысле. Прообразовательный закон был исполнен искуплением человечества и установлением духовного закона свободы, чего он служил предызображением, тению. Таким исполнением он уничтожен. К чему могут служить прообразования, когда получено прообразованное? К чему залоги обетования, когда даровано обетованное? Желаящий остаться при прообразованиях этим самым отказывается от прообразованного. Святой апостол Павел говорил христианам, думавшим сочетать христианство с иудейством: *«Аще законом правда, убо Христос туне умре. Аще обрезается, Христос вас ничтоже пользуется. Упразднистесь от Христа (отчуждились от Христа), иже законом (Моисеевым) оправдаетесь: от благодати отпадете»* (Гал. 2, 21; 5, 2, 4). К иудеям, принявшим христианство, потом обратившимся к иудейству, произнес Апостол следующие грозные слова: *«Невозможно просвещенных однажды и вкусивших Дара Небесного, и причастников бывших Духа Святаго, и добраго вкусивших Божия глагола и силы грядущаго века, и отпадших, паки обновляти в покаяние, второе распинающих Сына Божия себе и обличающих*

(то есть ругающихся Ему). Земля бо, пившая сходящий на ню множищею дождь и раждающая былия добрая оным, имиже и делаема бывает, приемлет благословение от Бога: а износящая терния и волчец непотребна есть и клятвы близ, ея же кончина в пожжение» (Евр. 6, 4 – 8). Церковная история свидетельствовала справедливость этого изречения: человечество совращалось в ересь целыми народами, а обращение от ереси к Православию видим в весьма немногих частных лицах, и то редко, весьма редко. Страшный яд – ересь! Неудобопостижимый яд – ересь!

Другим источником ересей сделалась языческая философия и вообще человеческая ученость. Писатель II века Тертуллиан объяснил с подробностью и точностью, что все заблуждения, нарушившие мир Церкви, имели источником своим непременно какую-либо философскую школу. Это очень естественно: книжник, или земной ученый, должен, по завещанию Спасителя, научиться Царствию Божию, чтоб придти в состояние износить из сокровищницы своей ветхое и новое, то есть предлагать учение Божие в формах учености человеческой (Мф. 13, 52). Научиться Царствию Божию значит стяжать Царствие Божие внутри себя. Без этого земной ученый может предлагать одно ветхое, хотя бы он беседовал о Боге из душевного, школьного знания. Ему невозможно избежать заблуждения, несмотря на всю его ученость, потому что ветхость, в духовном смысле, и есть состояние заблуждения и самообольщения. Святой Симеон, Христа ради юродивый, указал причину заблуждения ученейшего и даровитейшего Оригена в том, что Ориген не принял на себя труда перейти из состояния душевного в духовное и, уплывши далеко в мысленное море, потонул в нем².

Необходимо, вполне необходимо всякому христианину ученому, особливо христианскому учителю, не останавливаться на своей земной учености, как бы он ни был богат ею, но перейти из плотского и душевного состояния в духовное и получить живое, благодатное познание о Боге. «Имейя заповеди Моя (насажденными в сердце своем, так чтоб они составляли имущество и сокровище человека), – сказал Господь, – той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам (действием Святаго Духа)» (Ин. 14, 21). Имеющий Слово Божие насажденным и пребывающим в себе, сподобившийся Боговидения по причине чистоты ума, отрясший душевную глухоту и слышащий Божий глас (Ин. 5, 36, 37), с дерзновением и силою возглаголет о Господе своем, не так, как книжники (Мк. 1, 22): «ибо ве́дом во Иудеи Бог: во Израили веле́е Имя Его» (Пс. 75, 2). Под именем Иудеи здесь разумеется истинная Церковь, а под именем Израиля те члены Церкви, которые удостоились духовного видения и из него истекающего ведения.

Святые Григорий Неокесарийский, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Василий Великий и многие другие церковные светильники, стяжав современную человеческую ученость, позаботились, посредством евангельского жителства, перейти из состояния плотского и душевного в духовное, совлекись ветхого Адама, облеклись в Нового; таким образом они соделались способными преподавать братии своей, человекам, учение новое, в форме ветхой, столько приятной падшему человеку, сколько естественной падшему человечеству. Люди, увлекаясь земным красноречием святых учителей, незаметно для себя принимали слово спасения, облекавшееся в земное витийство. Напротив того, ученый Арий, несмотря на то, что был пресвитером, красноречивый Несторий, несмотря на то, что был патриархом, и многие другие, подобные им, находясь в высоких санах церковных, соделались ересиархами и еретиками по той же причине, по которой погряз в глубине мысленного моря венец учености своего века Ориген. Говорит святой Григорий Синаит: «Иже кроме Духа пишуше и глаголюше, и Церковь созидати хотяше, суть (телесни), душевни яко иже негде глаголет Божественный Апостол, Духа не имуще (Иуд. 1, 19).

Таковии бо повиннии суть клятве, глаголющей: Горе, иже мудри в себе самих, и пред собою разумни (Ис. 5, 21). От себе бо глаголют, а не Дух Божий в них есть глаголай, по Господню словеси. От своих бо помысл прежде чистоты глаголющий прельстишася духом мнения. О сем бо Притча глаголет: «Видех мужа непщевавша себе мудра быти, упование же имать безумный паче его» (Притч. 26, 12). И еже: «Не бывайте мудри о себе» (Рим. 12, 16), Премудрость нам заповедает. Но и сам, исполненный Духа Божественный Апостол исповедует, глаголя: «не бо довольни есмы от себя помыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога» (2 Кор. 3, 5). И еже: «Яко от Бога, пред Богом, о Христе глаголем» (2 Кор. 12, 19). Таковых бо словеса несладостны и непросвещенны, не от живого бо источника Духа приемлюще глаголют, но яко от некоего езера тименна, от сердца ищущаго и питающаго пиявиц, и змий, и жаб похотей и кичения, и невоздержания, и вода разума их смердяща, мутна же и теплохладна, от нея же пиющие, на недутование и гнусность и блевание пременяеми обращаются»³.

Священное Писание, изученное по букве плотскими и душевными человеками, послужило для них к изобретению ересей, к погублению ими и себя и других. Святой апостол Петр сказал о Посланиях святого апостола Павла, что их некоторые «ненаучени и неутверждени развращают» (по русскому переводу: превращают), яко же и прочая Писания к своей погибели им» (2 Пет. 3, 16). Здесь весьма правильно употреблены слова «развращают» и «превращают», потому что плотский и душевный человек, не понимая духовного смысла в Писании, дает ему смысл сообразно своему устроению. Иначе это и быть не может: ведь надобно же душевному человеку получить какое-либо понятие при чтении или изучении Божественного Писания, а Писания он не способен понимать как должно; следовательно, по необходимости он дает себе понятие, какое ему заблагорассудится.

Происхождение Священного Писания, способ понимания и объяснения его избражены с полною ясностию святыми апостолами Петром и Павлом. Святой апостол Петр говорит: «Всяко пророчество книжно по своему сказанию не бывает» (по русскому переводу: никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою). Ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаемы, глаголаша святии Божии человецы» (2 Пет. 1, 20, 21). Это значит: как произнесено Слово Божие, или Священное Писание, при посредстве Святого Духа, так только при посредстве Святого Духа оно может быть и объясняемо, следовательно, и понимаемо. Святой апостол Павел говорит: «Божия никтоже весть, точию Дух Божий. Мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, Иже от Бога, да вемы, яже от Бога дарованная нам: яже и глаголем не в наученых человеческия премудрости словесех, но в наученых Духа Святаго: духовная духовными сразсуждающе (по русскому переводу: духовное излагаю духовно) (1 Кор. 2, 11, 12). Отсюда видно, что в изложении и объяснении Писания нисколько не участвовала человеческая ученость, нисколько не участвовало школьное изучение Писания, изучение его буквы, которыми отличались и хвалились иудейские книжники и фарисеи, которое имел и апостол Павел, которое он вменил для себя в тщету ради превосходнейшего познания о Христе Иисусе, даруемого Святым Духом (Деян. 22, 3; ср. Флп. 3, 5 — 8). После вышеприведенного апостол продолжает: «Душевен человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть, и не может разумети, зане духовне востязуется (по русскому переводу: потому что о духовном надо рассуждать духовно) (1 Кор. 2, 14). Это сказал апостол из своего опыта. Он, находясь в состоянии плотского, душевного человека, был изучен Писанию о вере в Бога по современному обычаю, преобладавшему тогда между иудеями, уничтожившему между ними духовное понимание

Закона (Мф. гл. 25), соделавшему иудейских богословов неспособными познать и принять Бога, явившегося им во образе человека с неоспоримыми и яснейшими свидетельствами Божества Своего. При обращении из иудейства в христианство святой апостол Павел весьма быстро перешел из состояния душевного к духовному по причине предшествовавшей обращению строго-нравственной жизни (Флп. 3, 6). Обильно наученный Святым Духом, он узнал на себе, что прежние его познания, также обильные в своем отношении, не только не объясняли для него Бога, но и закрывали Бога от него, омрачали его, делали врагом Божиим (Рим. 8, 7), отнимали у него возможность покоряться учению Христову (Рим. 8, 7), представляли ему учение Христово бранным, диким, нелепым, богохульным (1 Кор. 2, 14). Станным показалось оно иудейскому учителю Никодиму (Ин. 3, 4), жестоким и невыносимым показалось оно многим таким, которые уже были учениками Богочеловека и последовали Ему в Его странствии (Ин. 6, 60). Этим соблазненным и оставившим Божественного Учителя ученикам Он сказал: «Дух есть, иже оживляет, плоть (то есть плотское разумение Слова Божия) (Ин. 6, 62) не пользуется ничтоже: глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть» (Ин. 6, 64).

Плотское разумение Слова Божия приводит к неверию, к соблазну самым все-святым Словом Божиим, к ложным и превратным заключениям и мнениям, к оставлению Бога, к погибели. И Никодим, уверовавший в Богочеловека ради знамений, совершаемых Богочеловеком, соблазнился Его Словом, давая Слову Божию плотское значение. На слова Господа: «Аще кто не родится Свыше, не может видети Царствия Божия». Никодим возражает: «Како человек может родиться, стар сый? Еда может второе внити во утробу матери своея, и родиться» (Ин. 3, 4). При смирении душевный человек может низлагать свои помыслы, взимающиеся на разум Божий и пленять всяк разум в послушание Христово (2 Кор. 10, 5), но при гордости, при высоком мнении о своих познаниях, при доверии к своему разуму и ведению, необходимо должен душевный человек счесть юродством, то есть нелепостью или безумием, Слово Божие, как сказал святой апостол Павел, как доказали это на самом деле иудейские ученые архиереи и священники, отвергнув Господа, как это доказали и доказывают бесчисленные сонмы еретиков, отвергавшие и отвергающие Божественную Истину. Все, имевшие ученость мира сего и занявшие потом очищением себя посредством духовного подвига, искренно сознаются, что они должны были вынести тяжкую борьбу с помыслами человеческой мудрости, восставшими с жестокою силою против евангельского учения и оспаривавшими с необыкновенною упорностию у Евангелия владычество над умом подвижника.

Состояние душевное и плотское есть следствие нашего падения: оно есть состояние возмущения против Бога и вражды на Бога. По неспособности душевного человека правильно понимать духовное Святая Церковь воспрещает чадам своим произвольное объяснение Священного Писания, а заповедует строго держаться истолкования, сделанного Писанию святыми отцами⁴; она заповедует всем желающим с подробностию и точностию узнать христианство, особливо пастырям и учителям, по приобретении познания от людей и из книги, приобрести познание христианства деятельное и живое житием по Евангельским заповедям, распятием плоти со страстями и похотями (Гал. 5, 24), причастием Божественной Благодати Святого Духа. Весьма справедливо преподобный Марк назвал теоретические познания о христианстве вводными. Сей богомудрый отец с особенною ясностию излагает необходимость познаний опытных и благодатных, показывает то страшное душевное бедствие, в которое впадает приобретший первые познания и вознерадивший о приобретении вторых.

«Ученые, нерадящие о духовной жизни, — сказал святой Марк в ответе ученому, утверждавшему, что ученые пребывают вне падения, поддерживаемые своею ученостию, — ниспав одним разом в ужасное и сугубое падение, то есть в падение возношением и нерадением, ниже могут восстать без молитвы, ниже имеют откуда пасть. Ибо какая еще может быть причина (забота) для диавола бороться с теми, которые всегда лежат долу и никогда не восстанут. Есть некоторые, иногда побеждающие, иногда же побеждаемые, падающие и восстающие, оскорбляющие и оскорбляемые, борющиеся и боримые; а другие, пребыв в первом падении своем по причине крайнего невежества, ниже знают о себе, что они пали; к ним-то с соболезованием обращается с речью пророк: «Еда падаяя не возстает, и отвращаяся не обратится?» (Иер. 8, 4). И еще: «Возстани спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос» (Еф. 5, 14). К нехотящим воспрять (этот) труд восстания и пребывания в молитве и подвергнуться лишениям по причине благочестия, ради будущего Царства, говорит: «В погибели твоей, Израилю, кто поможет тебе?» (Ос. 13, 9). «Несть струп, ни язва, ни рана палящая» (Ис. 1, 6), ни какое-либо зло из случающихся без согласия воли: ибо сия рана произвольна, и есть грех к смерти, не исцеляемый ниже молитвами других. «Врачевахом, — говорит пророк, — Вавилона, и не исцеле» (Иер. 51, 9): ибо самопроизволен сей недуг, и «несть пластыря приложити, ниже елея, ниже обязания» (Ис. 1, 6), то есть вспомоществований от других... Вот и Ветхий Завет останавливает уповающего на себя и возношающегося премудростию своею: «Буди уповая на Господа, — говорит он, — всем сердцем твоим: о твоей же премудрости не возноси» (Притч. 3, 5). Это — не одни только слова, как некоторым показалось, приобретшим по сей причине книги, узнавшим написанное в них, ничего из написанного не исполнивших на деле, а только напышевавшимся нагими разумениями. Таковые превозносят себя похвалами за слова и изыскания; они носят между людьми, не знающими дела, громкое название любомудрых; но, не коснувшись трудолюбия, ниже тайнонаучившись делу, приемлют от Бога и от мужей трудолюбивых и благочестивых великое поречение (осуждение, нарекание): ибо они злоупотребили вводительным разумением Писаний, употребив его на показание себя (пред человеками, а не на дело), и лишились действующей благодати Святого Духа. Они суть «хвалящиеся лицом, а не сердцем» (2 Кор. 5, 12). Посему не знающие дела должны коснуться его (приняться за него): ибо сказанное в Писании сказано не только для того, чтоб знали, но и чтоб исполняли то. Начнем дело: таким образом постепенно преуспевая, найдем, что не только надежда на Бога, но и извещенная вера, и нелицемерная любовь, и непамятозлобие, и братолюбие, и воздержание, и терпение, и глубочайшее разумение сокровенного, и избавление от искушений, и дарование даров (духовных), и исповедание сердечное, и прилежные слезы достаются верным молитвою, и не только сие, но и терпение приключающихся скорбей, и чистая молитва о ближних, и познание духовного закона, и обретение правды Божией, и нятие Святого Духа, и подание духовных сокровищ, и всё, что Бог обещовал подать верным человекам и здесь, и в будущем веке. Отнюдь невозможно душе восстановить в себе образ Божий иначе, как только благодатию Христовою и верою человека, когда человек пребывает во многом смиренномудрии при непарительной молитве в уме. Как же лишившись таковых и толиких благ по причине своего неведения и о молитве нерадения, говорят, мы не пали? И приписывают себе премудрость, ниже ведая своего падения, несчастные по причине падения; еще более несчастные по причине своего незнания. Они приобретают только то, что утверждают нас более веровать Писанию, говорящему, что «премудрость мира сего буйство у Бога» (1 Кор. 3, 19), а сходящая от Бога, «свыше есть от Отца светов» (Иак. 1, 14), и знамение ее

— смиренномудрие. Но хотящие угождать человекам вместо Божественной Премудрости усвоили человеческую; напыщаемые ею и превозносясь ею внутренно, они обольстили многих незнающих, склонив их любомудрствовать не в трудах благочестия и молитвы, а в «препетельных словах человеческой мудрости» (1 Кор. 2, 4), которую апостол Павел часто порицает и называет упразднением Креста Христова. Он говорит в Первом Послании к Коринфянам: «Не посла мене Христос крестити, но благовестити: не в премудрости слова, да не испразднится Крест Христов» (1 Кор. 1, 17). И еще: «Буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит... и худородная мира и уничиженная избра Бог, и не сушая, да сушая упразднит: яко да не похвалятся всяка плоть пред Богом» (1 Кор. 1, 27 — 29). Если Бог благоволит не к словам еллинской премудрости, но к трудам молитвы и смиренномудрия, как показано, то точно «суетумудствуют те, которые, оставив первый образ благочестия, как неудобноисполнимый, не хотят спастись ни вторым, ниже третьим способом, но пребывают вне священной правды»⁵.

II. Ересь — грех ума

Сущность этого греха — богохульство.

Будучи собственно грехом ума, ересь не только омрачает ум, но и сообщает особенное ожесточение сердцу, убивает его вечною смертию.

Этим грехом человек всего ближе уподобляется падшим духам, которых главный грех — противление Богу и хула на Бога.

Отличительное свойство падших духов — гордость; отличительное свойство и еретиков — гордость, которой очевиднейшее проявление состоит в презрении и осуждении всех, не принадлежащих к их секте, омерзение ими, лютая ненависть к ним. Но существенное проявление гордости в еретиках и раскольниках состоит в том, что они, отвергши богопознание и богослужение, открытые и преподанные Самим Богом, усиливаются заменить их богопознанием и богослужениями самовольными, богохульными и богопротивными. Зараженного ересью и расколом диавол не заботится искушать другими страстями и грехами очевидными. И зачем искушать диаволу того и бороться с тем, кто при посредстве смертного греха — ереси — и убит вечною смертию, и заживо уже составляет достояние диавола? Напротив того, диавол поддерживает еретика и раскольника в воздержании и прочих наружных подвигах и видах добродетели, чтоб этим поддерживать его в самодовольстве и заблуждении, а правоверных личиною святости, которую носит на себе еретик, привлечь к ереси или, по крайней мере, привести к оправданию и некоторому одобрению ее, также к сомнению в правоверии и к холодности к нему.

Обладающий сокровищем подвергается нападениям разбойников, а у кого нет ничего, того не беспокоят разбойники. Имеющий сокровище правоверия жестоко наветуется врагом! Враг усиленно нападает на правоверного, старается представить его пред обществом человеческим в состоянии побеждения, с такою же целью, с какою старается представить еретика добродетельным и достойным уважения. С такою же неудобопостижимой хитростию действует лукавый дух в пользу ереси и во вред истинного христианства. К несчастью, эта кознь его весьма удается ему! Ею он уловляет в погибель тысячи человек.

Многие проводили самую строгую подвижническую жизнь, пребывая в ереси или расколе; когда ж приняли Православие, подверглись различным слабостям. К какому это должно привести заключению? К такому, что в первом состоянии враг не ратовал против них, признавая их своими, а во втором — восстал против тех лю-

тою войною, как против таких, которые явно объявили и исповедали себя противниками его. Священное Писание называет лукавого духа не только врагом, но и мстителем (Пс. 8, 3). Он не только враждует против человека, но, будучи заражен лютою завистию к человеку, не может равнодушно видеть, что человек совершает добродетели и благоугождает Богу, и мстит человеку за его богоугодные дела, наводя на него бесчисленные искушения и извне — от злых людей, и внутри, воздвигая в человеке различные страсти.

Странное влияние имеют раскол и ересь на самое тело человека! Ожесточение духа сообщается телу. Не для всех заметно это при жизни человека, но по смерти тело еретика и раскольника мгновенно каменеет, мгновенно начинает издавать неприступное зловоние. И это совершается особенно над теми из них, которые проводили самую строго-подвижническую жизнь и были знаменитыми учителями своей секты и заслужили всеобщее уважение слепотствующего мира; они-то и издают по смерти своей самое ужасное зловоние; из иссохших тел их открываются потоки смердящего гноя; затруднительно совершение погребения их и присутствие при нем. Бесы соприсутствуют могилам их и являются при них в разных видах или для устрашения, или для оболщения.

Еретика неудобоприступно покаяние и познание Истины. Доступнее покаяние и истинное богопознание для прелюбодеев и уголовных преступников, нежели для еретика и раскольника, особливо если он ученый и подвижник. Доказали то и другие явные грешники и ученые сектанты, современные Христу, упоминаемые в Евангелии: грешники приняли и Господа и Предтечу Его, между тем как книжники, фарисеи и саддукеи отвергли и Иисуса, и Иоанна.

Несродно чувство покаяния тому, кто вполне доволен собою, а кругом себя видит только соблазн и недостатки всех родов. Признающему себя разумным паче всех несродны алкание и жажда беспредельной Божественной Истины, вполне насыщающей питомца своего и возбуждающей таким насыщением еще большую алчбу и жажду благодатной правды. Несродно отвергнуть свое богохульство тому, кто признает это богохульство святою Истиною; несродно ему узнать святую Истину, потому что самый орган зрения, душевное око, ум его, ослеплен ложью. Обращение еретика и раскольника к правoverию — особенная милость Божия — устраивается особенным Промыслом Божиим для избранников, известных Единому Богу. Человеческие средства к обращению раскольников и еретиков бессильны.

Хотя на Первом Никейском Соборе против Ария и его единомышленников стояли светильники Церкви: Афанасий Великий, Николай Чудотворец, Иаков Низибийский (Низиби чудотворец), Спиридон Тримифунтский, хотя действовали не только силою слова, но и силою знамений, однако не смягчили ожесточенного сонмища еретического и ересиарха Ария, до конца жизни пребывавшего упорным и верным своему заблуждению, как повествует церковная история.

Словопрение — самое слабое оружие против еретиков, оружие более вредное, нежели полезное. Оно делается таким сообразно свойству душевного недуга — ереси. Гордая ересь не терпит обличений, не терпит побеждения. От обличений она ожесточается; от победений приходит в неистовство. Это доказали бесчисленные опыты.

Побеждается ересь кротким увещанием; еще удобнее — молчаливым приветствием, смирением, любовию, терпением и долготерпением, молитвою прилежною, исполненною соболезнованием о ближнем и милосердием к нему. Ересь не может быть побеждена человеком, потому что она изобретение, начинание демонское. Победителем ее может быть один Бог, призванный к борьбе с нею и к поражению ее смирением человека пред Богом и любовию этого человека к ближнему.

Желающий успешно сражаться против ереси должен быть вполне чужд тщеславия и вражды к ближнему, чтоб не выразить их какою насмешкою, каким колким или жестким словом, каким-либо словом блестящим, могущим отозваться в гордой душе еретика и возмутить в ней страсть ее. Помазуй струп и язву ближнего, как бы цельным елеем, единственно словами любви и смирения, да призрит милосердый Господь на любовь твою и на смирение твое, да возвестятся они сердцу ближнего твоего и да даруется тебе великий Божий дар — спасение ближнего твоего. Гордость, дерзость, упорство, восторженность еретика имеют только вид энергии, в сущности они — немощь, нуждающаяся в благоразумном соболезновании. Эта немощь только умножается и свирепеет, когда против нее действуют безрассудною ревностью, выражающеюся жестким обличением.

III. Ересь — отвержение христианства

Ересь есть прикровенное отвержение христианства. Когда человеки начали ославлять идолопоклонство, по его очевидной нелепости, и приходило к познанию и исповеданию Искупителя; когда все усилия диавола поддержать между человеками идолопоклонство остались тщетными; тогда он избрал ереси, и посредством ереси, сохраняя для держащихся ее человеков имя и некоторую наружность христиан, не только отнял у них христианство, но и заменил его богохульством.

Что такое арианство? — Это отречение от Христа и христианства, отречение от Бога. Если Сын — тварь, как утверждал Арий, то нет и истинного в трех Лицах Бога. Если Сын — не Бог, то где же вочеловечение Бога? Где причастие человеческого естества естеству Божию (2 Петр. 1, 4), приобретенное для человеков вочеловечением Бога? Где спасение? Где христианство? — «Не веруай в Сына ни Отца имать» (1 Ин. 2, 23), — говорит Слово Божие. Арианство — и безбожие, и богохульство.

Что такое несторианство? — Отвержение вочеловечения Бога Слова. Если родилась от Девы простой человек, то где же зачатие от Святого Духа (Мф. 1, 18)? Где событие слов Писания: «Слово плоть бысть» (Ин. 1, 14)? Где рождение Сына Божия (Лк. 1, 31)? Где христианство? — Повторяется Несторием Ариево ересь, но под другою личиною: сущность этих ересей одна — отвержение Христа, а посредством отвержения Христа — отвержение от Бога.

То же делают Евтихий и монофелиты: сливая в Богочеловеке два естества и две воли воедино и утверждая, что во Христе человечество исчезло в Божестве, как капля вина в обширном море, они приходят к той же цели, хотя с другой стороны, к какой пришли Арий и Несторий, потому что, отвергая присутствие человеческого естества в вочеловечившемся Сыне Божиим, они непременно отвергают всё, что претерпел Господь, как человек, следовательно, отвергают и искупление человечества страданиями и смертью Господа, отвергают все христианство.

К тому же стремятся и иконоборцы. Отвергая возможность изобразить Христа живописью, они косвенно отвергают пришествие Сына Божия во плоти человеческой. Если Сын Божий облечен плотью, то имеется полная возможность Его, неизобразимого по Божественному естеству, изобразить как человека. Если можно изобразить Его, то изображения Его должны быть особенно почитаемы. Мы почитаем изображения наших родителей, царей, начальников, благодетелей, ставим их на почетные места; тем более должна быть уважаема икона Спасителя нашего, а по ней — иконы Божией Матери и всех святых.

То же усиливается совершить папизм; так называется ересь, объявлявшая Запад, от которой произошли, как от древа ветви, различные протестантские учения. Папизм

присваивает папе свойства Христовы и тем отвергает Христа. Некоторые западные писатели почти явно произнесли это отречение, сказав, что гораздо менее грех — отречение от Христа, нежели грех отречения от папы. Папа есть идол папистов; он — божество их. По причине этого ужасного заблуждения благодать Божия отступила от папистов; они преданы самим себе и сатане, изобретателю и отцу всех ересей, в числе прочих и папизма. В этом состоянии омрачения они исказили некоторые догматы и таинства, а Божественную литургию лишили существенного значения, выкинув из нее призывание Святого Духа и благословение предложенных хлеба и вина, при котором они пресуществляются в Тело и Кровь Христовы. Эта существенная часть литургии находилась во всех литургиях, преданных апостолами Христовыми по всей вселенной, находилась и в первоначальной литургии Римской⁶. Никакая ересь не выражает так открыто и нагло непомерной гордости своей, жесткого презрения к человекам и ненависти к ним⁷.

Протестанты восстали против заблуждений папистов, правильнее — восстали против уродливой власти и божественности пап; но так как они действовали по побуждению страстей, утопая в разврате, а не с прямою целию стремления к святой Истине, и не так, как искал ее Корнилий Сотник, то и не оказались достойными узреть ее. «Всяк делаяй злая ненавидит Света, и не приходит к Свету» (Ин. 3, 20). Протестанты из всех заблуждений папистов отвергли только нечестивое мнение их о папе; прочим заблуждениям папистов они последовали, многие погрешности усилили, к прежним заблуждениям и ошибкам присовокупили много новых. Так, например, они отвергли все таинства, само священство; отвергли вовсе литургию; отвергли все церковные предания и предоставили каждому из своих последователей объяснять Священное Писание по произволу, между тем как оно, будучи произнесено Святым Духом, может быть и объяснено только Святым Духом (2 Пет. 1, 21).

К ересям должно отнести и то учение, которое, не прикасаясь ни догматов, ни таинств, отвергает жителство по заповедям Христовым и позволяет христианам жителство языческое. Это учение, которое по наружности кажется как бы не враждебным христианству, в сущности вполне враждебно ему: оно — отречение от Христа. Сам Господь сказал: «Исповем им (признающим устами Господа, а делами противоречащим Его воле), яко николиже знах вас, отыидите от Мене, делающие беззаконие» (Мф. 7, 21, 23). Вера может быть живою только при делах веры; без них она мертва (Иак. 2, 26). Впрочем, и самое правильное понятие о догматах христианских теряется от жизни нехристианской. Еще в то время, когда идолопоклонство было очень сильно, еретики проводили жизнь языческую. Святой Афанасий Великий делает это замечание об арианах, которые предавались увеселениям идолопоклонников и сходствовали с ними нравственностью. В новейшие времена языческая жизнь явилась первоначально в недрах папизма; языческое чувство и вкус папистов выказываются с особенною яркостью в применении искусств к предметам религии, в живописных и изваянных изображениях святых, в их церковном пении и музыке, в их религиозной поэзии. Все школы их носят на себе отпечаток греховных страстей, особливо сладострастия; там нет ни чувства целомудрия и благопристойности, ни чувства простоты, ни чувства чистоты и духовности. Таковы их церковная музыка и пение. Их поэт, описывая освобождение Иерусалима и Гроба Господня, не останавливается призывать Музу; он воспевает Сион вместе с Геликоном, от Музы переходит к Архангелу Гавриилу. Непогрешающие папы, эти новые кумиры Рима, представляют собою образцы разврата, тиранства, безбожия, кощунства над всем святым. Языческая жизнь со своей комедией и трагедией, со своими плясаниями, со своим отвержением стыда и пристойности, со своим блудом и прелюбодеянием и

прочими обычаями идолопоклонников, во-первых, воскресла в Риме под сению богов его — пап, откуда разлилась по всей Европе. При посредстве ересей и наконец при посредстве языческой жизни все язычники, принявшие некогда христианство, оставили и оставляют христианство, возвращаются к прежнему совершенному неведению Бога и к служению демонам, хотя уже и не в форме идолопоклонства.

Какая причина такого действия ереси? Причина заключается в том, что этот страшный грех, заключающий в себе хулу на Святого Духа, совершенно отчуждает человека от Бога и, отчуждив от Бога, передает во власть сатаны. В этом состоянии человек неспособен ни к какому помышлению, ощущению, деянию духовному, а следовательно, неспособен к состоянию духовному; напротив того, развиваются в нем сильно состояния душевное и плотское. В нем обильно исходит премудрость земная, душевная, бесовская, исполненная зависти, рвения, гордыни (Иак. 3, 11, 15). Кротости, любви, назидательного смирения нет в этой премудрости: она многоглаголива и велеречива, обильна знанием человеческим и бесовским, преисполнена самообольщения и обольщает внимающих ей. Она не может быть иною, потому что помыслы чуждого благодати Божией — еретика — находятся под постоянным насилием и руководством падших духов. Это непонятно и невероятно для многих; таковые пусть услышат определение духовного мужа, который сказал: «Благое не может быть веруемо или действуемо, точию о Христе Иисусе и Святом Дусе»⁸. Помышление, слово, дело, чтоб быть достойными Господа, должны быть помазаны благодатию Святого Духа; те же помышления, слова и дела, которые не имеют сего помазания, принадлежат ветхому человеку и мерзостны Богу, как бы ни казались по наружности своей, пред судом мира, мудрыми и добрыми.

Состояние отчуждения от Бога, состояние самообольщения, омрачения ума, движение сильнейших страстей было всегда состоянием еретиков, особливо ересиархов. Обыкновенно они были преданы различным страстям. Евтихий был крайне корыстолюбив и, вопреки обету иноческого нестяжания, накопил значительные деньги. Аполлинарий и в старости своей имел наложницу. Арий написал «Талию» — сочинение в стихах, до нас не дошедшее, исполненное бесстыдного разврата. Это сочинение начали было читать на Первом Никейском Соборе, но отцы Собора отказались слушать его, так оно было срамно, и предали огню экземпляр, им представленный. Таковы произведения и новейших еретиков. Они исполнены адского кощунства, дерзких, ложных умствований, страшного бесстыдства и разврата. Понятие, которое дается о них здесь, еще очень слабо пред понятием, которое получается о них от чтения их писаний. Не может придти на ум обыкновенного человека то, что произнесли и написали ересиархи. Впрочем, все сочинения еретиков составлены под влиянием духов и заключают в себе нравственный яд, убивающий душу вечною смертию. Догматические книги их непременно содержат ложные догматы и хулу на догматы, преподанные Святой Церкви Святым Духом; их книги о подвижничестве, хотя по наружности и представляются преподающими учение о высочайших добродетелях и состояниях христианских, но в сущности суть плоды и выражение самообольщения и бесовской прелести, непонятной для толпы; их нравственные писатели преподают нравственность, свойственную ветхому Адаму, так как они о ней только имеют понятие, а отнюдь не нравственность христианскую, вполне не доступную для их ума и сердца.

Романы, комедии и прочие сочинения явно греховные, исполненные сладострастия, также суть плоды ереси; некоторые из таковых сочинений написаны духовными лицами, как, например, «Телемак» написан Фенелоном. Чтение всех этих книг крайне вредно, хотя для неопытных глаз в одних из них яд приметен, а в других очень

скрыт. Неприметность яда не уменьшает его силы; напротив того, утонченные яды действуют с особенною разрушительностью. Чтение догматической, особливо подвижнической еретической книги возбуждает нередко блудные помыслы, а чтение романов возбуждает помыслы неверия, разных недоумений и сомнения относительно веры. Грехи, как и нечистые духи, имеют сродство между собою: добровольно подчиняющийся одному греху невольно и по необходимости подчиняется влиянию другого, по причине сродства лукавых духов и страстей. Опыт доказывает, что к ереси и безбожию люди перешли наиболее из развратной жизни и, наоборот, ересь всегда влечет за собою расстройство нравственности по причине сродства грехов между собою.

Первоначальное действие всех еретических книг состоит в возбуждении помыслов-сомнений о вере. «Охраняйся, — сказал святой Исаак Сирский, — не прочисти догматов еретических: сие бо есть вооружающее яко наиможайшие на тя духа хулы» (Слово 56). Действуют ли в ком хульные помыслы? Поколебался ли кто в доверенности к Православной Церкви, которая одна есть истинная Христова Церковь? Сделался ли кто универсальным христианином, принадлежащим, — по своему сердечному убеждению или, правильнее, по своему совершенному неведению христианства, — одинаково ко всем исповеданиям и потому не принадлежащим ни к какому? — Знай, что он приведен к этому состоянию чтением еретических книг или беседами с зараженными этим чтением.

Люди, преданные сладострастию, с особенною охотою читают еретические книги о христианском подвижничестве и совершенстве, а нравственных книг Православной Церкви чуждаются и отвращаются. Какая тому причина? Сходство в настроении духа. Эти люди находят наслаждение в чтении книги, написанной из мечтательности и самосмышления, приправленной утонченным сладострастием, тщеславием, высокоумием, которые кажутся благодатию умам и сердцам, не очищенным истинным учением Христовым. Православные книги призывают к покаянию и оставлению греховной жизни, к самоотвержению, к самоосуждению и смирению, чего именно сын мира и не желает.

Идолопоклонство и всякого рода явное отвержение Бога можно уподобить открытому яду; от него всякий удобный может остеречься. Ересь можно уподобить пище, имеющей по наружности прекрасный вид, но отравленной ядом: такая пища — тот же яд, от которого уже трудно остеречься как потому, что яд замаскирован, так и потому, что прекрасный вид и благоухание пищи возбуждают в человеке естественное его желание насытиться и насладиться пищею. Ересь всегда сопутствуется лицемерством и притворством; она многоглаголива, велеречива, обилует ученостию человеческою и потому удобно привлекает к себе людей и уловляет их в погибель; несравненно более людей уловлены в вечную смерть посредством ереси, нежели посредством прямого отвержения Христа.

IV. О расколе

Расколом называется нарушение полного единения со Святою Церковью, с точным сохранением, однако, истинного учения о догматах и таинствах. Нарушение единения в догматах и таинствах — уже ересь.

Собственно раскольническими церквями могут быть названы в России только единоверческие церкви и церкви, находящиеся в ведомстве главных священников (бывших обер-священников). Первые отличаются в некоторых обрядах, что не имеет никакого влияния на сущность христианства, а вторые не имеют над собою епископа, вопреки церковным правилам. К образованию первых послужило отчасти не-

жежество, приписывающее некоторым обрядам и обычаям более важности, нежели сколько эти обряды имеют; а к образованию вторых послужило протестантское направление некоторых частных лиц. В первых церквях замечен избыток набожности, доходящий до суеверия и лицемерства, а во вторых избыток вольности, доходящий до крайнего небрежения и холодности. Когда христианин обратит все внимание свое на наружные обряды, то непременно он оставляет без внимания существенную часть христианства — очищение внутренних сосудов, следовательно, лишается всего духовного преуспеяния и истекающего из этого преуспеяния истинного познания Христа, то есть делается чужд истинного христианства. Когда же, напротив того, христианин к вере холоден и ее наружные обряды совершает с небрежением, то этим удаляет от себя Бога, Который желает, чтоб Его служители служили Ему со страхом и трепетом, и делается безбожником и еретиком.

Прочие раскольники в России должны быть признаны вместе и еретиками; они отвергли Таинства Церкви, заменив их своими чудовищными изобретениями; они уклонились во многом от существенного христианского вероучения и нравоучения; они совершенно отреклись от Церкви.

Впрочем, не должно обвинять во всем раскольников. Западное просвещение так сильно нахлынуло в Россию, что оно вторглось и в Церковь, нарушило ее восточный православный характер, хотя нарушило его в предметах, нисколько не касающихся сущности христианства. Эти нарушения восточного православного характера соблазняют раскольников, огорчают сынов Церкви, основательно изучивших христианство. Эти нарушения так мелочны, что могут быть весьма скоро устранены. Россия уже не повинуетя и не подражает слепо Европе; она подвергает западную образованность благоразумной критике; она желает явиться в общество европейских государств в собственном своем характере, а не в характере, взятом на время заимобразно, напрокат. К достижению этого она уже делает попытки, на которые мы сейчас укажем.

Все русские поняли, что итальянские картины не могут быть святыми иконами. Между тем итальянская живопись взошла почти во все православные русские храмы со времен преобразования России на европейский лад. Эта живопись соблазняет раскольника, огорчает истинно православного: она — западный струп на православном храме. С кого итальянские живописцы писали изображения святейших жен? Со своих любовниц. Знаменитые Мадонны Рафаэля выражают самое утонченное сладострастие. Известно, что Рафаэль был развратнейший человек, желал выразить идеал, который действовал бы на него наиболее сильно, и нередко кидал кисть, чтоб кинуться в объятия предстоявшей ему натурщицы. Другие живописцы, которых талант был грубее, нежели талант Рафаэля, выражали сладострастие на своих мнимых иконах гораздо ярче; иные выразили уже не одно сладострастие, но и бесстыдство, неблагопристойность. Иконы некоторых святых мужей списаны с женщин, как, например, знаменитое изображение Иоанна Богослова, написанное Доминикеном. Иконы некоторых мучеников итальянские любострастные живописцы написали со своих товарищей разврата, после ночи или ночей, проведенных ими беспорядочно, когда это поведение напечатлелось на изнуренных их лицах. Все движения, все позы, все физиономии на итальянских картинах или вообще на картинах, написанных западными еретиками и изображающих священные предметы, — чувственны, страстны, притворны, театральны; ничего в них нет святого, духовного; так и видно, что живописцы были люди, вполне плотские, не имевшие ни малейшего понятия о состоянии духовном, никакого сочувствия к нему и потому не имевшие никакой возможности изобразить человека духовного живописью. Не имея понятия о том, какое положение принимают черты лица углубленного в свою

молитву святого мужа, какое положение принимают его глаза, его уста, его руки, все тело его, они сочиняют в невежественном воображении своем произвольную, невежественную мечту, согласно этой мечте устанавливают натурщика или натурщицу, и отличная кисть изображает на полотне совершенную нелепость, так, как красноречивейший оратор по необходимости должен был бы произнести самую бестолковую речь, если б заставили его говорить о предмете, вовсе неизвестном ему.

Воспитанники русской Академии художеств получили образование по образцам западным и наполнили храмы иконами, вполне недостойными имени икон. Если б эти иконы, пред которыми опускаются долу взоры целомудренные, не стояли в храме, то никто и не подумал бы, что им приписывается достоинство икон. Светский человек, насмотревшийся на всё и имеющий обширную опытность, не может себе представить того действия, которое такие изображения оказывают на девственную природу. Некоторый старец, проводивший в пустыне возвышенную монашескую жизнь, должен был по некоторым обстоятельствам приехать в Петербург. Здесь он был приглашен однажды вечером набожною старушкою-дамою для духовной беседы. В это время дочери старушки одевались, чтоб ехать на бал. Одевшись, или, правильнее, обнажившись по требованию современной моды, они пришли к маменьке, чтоб поцеловать ее ручку и сесть в карету. Старец, увидав невиданное им никогда в жизни — девиц, бесстыдно обнажившихся по уставу Запада, по уставу ереси и язычества, пришел в ужас. Он уверял, что после виденного им соблазна уже не нужно являться самому диаволу для соблазна. Каково же видеть такому девственному оку подобное изображение на иконе, изображение, возбуждающее не молитву, а самые нечестивые страсти.

Несвойственность итальянской живописи для икон уже теперь очевидна и признана. Но, к сожалению, современная мода устремилась к другой крайности — к подражанию старинной русской иконописи со всеми ее неправильностями и с присовокуплением разных несообразностей новейшего изобретения. Здесь новый повод к соблазну. Пред такою иконою не соблазняется раскольник, не могущий отличить правильного рисунка от неправильного, — соблазняется пред нею легкомысленное чадое новейшего прогресса. Видя уродливость изображений на иконе, это чадое соблазняется, смеется, кошунствует. Его поверхностное образование и просвещение не дают ему возможности отделить в Церкви установлений Святых и Божественных от того разнообразного сору, который в различные времена вносился в Церковь немощию, ограниченностию, греховностию человеческою, согласно духу века. Это чадое новейшего прогресса, чуждое здравого смысла, видя недостаток, внесенный в Церковь человеческою немощию, тотчас колеблется в доверии к самой Церкви, начинает осуждать ее, делается чуждым ее. Сколько вредно соблазнять раскольников, столько вредно соблазнять и современное поколение; сколько нужно снисходить немощи раскольников, столько необходимо снисходить и немощи питомцев новейшего прогресса. «Безпреткновенни бывайте», — сказал святой апостол Павел иудеям и еллинам (1 Кор. 10, 32).

В наше время искусство живописи достигло высокой степени усовершенствования. Живописец, желающий писать иконы, достойные Божия храма и назидательные для христиан, имеет для сего наибольшие средства, чем когда-либо, но должен непременно проводить жизнь самую благочестивую, чтоб стяжать опытное познание духовных состояний, должен быть знаком в особенности с благочестивыми иконами, чтоб на лицах их усмотреть то глубокое спокойствие, тот отпечаток небесного тихого радования, ту младенческую простоту, которые являются на этих лицах от тщательной молитвы и от других благочестивых занятий. Пусть он всмотрится в естественность их

движений, в отсутствие в них всего сочиненного, всего придуманного. Правильность рисунка необходима для иконы; притом нужно изображать святых свято, такими, какими они были, простыми, спокойными, радостными, смиренными, в таких одеждах, какие они носили, в положениях и движениях самых скромных, исполненных благоговения, основательности, страха Божия. Изображению святого должны быть чужды изысканная поза, движение, изображающее восторженность, положение лица романтическое, сентиментальное, с открытым ртом, с закинутаю кверху головою или с сильно устремленными кверху глазами. Последнее положение, к которому обыкновенно прибегают для изображения молитвенного состояния, именно и воспрещается иметь при молитве святыми отцами. Также не должно изображать святых жен и дев с опущенными книзу глазами: дева начинает тогда опускать вниз глаза, когда явится в ней ощущение греховное; в невинности своей она глядит прямо.

Также начинают многие понимать, что итальянское пение не идет для православного богослужения. Оно нахлынуло к нам с Запада и несколько десятилетий тому назад было в особенном употреблении. Причастный стих был заменен концертом, напоминавшим оперу. Ухо светского человека, предающегося развлечениям и увеселениям, не поражается так сильно этою несообразностию, как ухо благочестивого человека, проводящего серьезную жизнь, много рассуждающего о своем спасении и о христианстве, как о средстве к спасению, желающего от всей души, чтоб это средство сохранялось во всей чистоте своей и силе, как сокровище величайшей важности, как наследство самое драгоценное для детей и внуков. Надо знать, что в России вся масса народа проводит жизнь самую серьезную, будучи поставлена в необходимость проводить такую жизнь обстоятельствами. Жизнь развлеченную, веселую, в сфере современного прогресса, могут проводить весьма немногие, потому что для такой жизни нужны достаточные материальные средства. Веселящиеся на земле не должны судить о прочих человеках, как они обыкновенно это делают, по себе. Для того чтоб один веселился, часто тысячи и тысячи должны нести тягчайший труд, проливать горькие слезы и кровавый пот: как мысли и чувства этих тысяч могут быть одинаковы с веселящеюся единицею?

Страдания и плач есть достояние падшего человека на земле, как научает нас Евангелие, и этот падший и погибший человек приходит в церковь Божию излить пред Богом именно горестные чувствования свои; раскрыть пред Богом бедственное состояние свое. Большая часть молитв, поемых и читаемых в Церкви, выражают прошения погибшего о помиловании, развивают понятие о гибели человечества, показывают ее многообразные оттенки и признаки, заключают в себе исповедание человеческого падения вообще и исчисление частных падений. Они переходят по временам к славословию Бога, к радостному хвалению действий Икупителя и искупления; но и это славословие, и эти хвалы произносятся узниками, заключенными в темнице, получившими надежду на освобождение, но еще не получившими освобождения. Радость, производимая надеждою спасения нашего, по необходимости соединена в нас со скорбным ощущением греховного плена.

Весьма справедливо святые отцы называют наши духовные ощущения «радостопечалием»: это чувство вполне выражается знаменным напевом, который еще сохранился в некоторых монастырях и который употребляется в единоверческих церквях. Знаменный напев подобен старинной иконе. От внимания ему овладевает сердцем то же чувство, какое и от пристального зренья на старинную икону, написанную каким-либо святым мужем. Чувство глубокого благочестия, которым проникнут напев, приводит душу к благоговению и умилению. Недостаток искусства — очевиден, но он исчезает пред духовным достоинством. Христианин, проводящий жизнь в

страданиях, борющийся непрестанно с различными трудностями жизни, услыша знаменный напев, тотчас находит в нем гармонию со своим душевным состоянием. Этой гармонии он уже не находит в нынешнем пении Православной Церкви.

Придворное пение (здесь указываю наиболее на обедню; впрочем, «Господи, помилуй», поемое на литургии, уже поется и на всех церковных последованиях), ныне взошедшее во всеобщее употребление в православных церквях, необыкновенно холодно, безжизненно, какое-то легкомысленное, срочное! Сочинения новейших композиторов выражают настроение их духа, настроение западное, земное, душевное, страстное или холодное, чуждое ощущения духовного. Некоторые, заметив, что западный элемент пения никак не может быть согласен с духом Православной Церкви, справедливо признав знаменитые сочинения Бортнянского сладострастными и романтическими, захотели помочь делу. Они переложили, с сохранением всех правил контрапункта, знаменный напев на четыре голоса.

Удовлетворил ли труд их требованию Церкви, требованию ее духа? Мы обязаны дать отрицательный ответ. Знаменный напев написан так, чтоб петь одну ноту (в унисон), а не по началам (*partheses*), сколько бы певцов ни пели ее, начиная с одного певца. Этот напев должен оставаться неприкосновенным: переложение его есть непременно искажение его. Такой вывод необходим по начальной причине: он оправдывается и самим опытом. Несмотря на правильность переложения, канон Пасхи утратил свой характер торжественной радости и получил характер печальный: это уже не восторг, произведенный воскресением всего рода человеческого во Христе, это плач надгробный. Изменение характера, хотя и не так чувствительное, заметно во всех переложениях знаменного напева и других церковных древних напевов. В некоторые переложения трудившиеся в них внесли свой характер, уничтожив совершенно церковный характер: в них слышна военная музыка, как, например, в «Благослови, душе моя, Господа», коим начинается всенощная. Отчего так? Оттого, что переложение совершалось под руководством военного человека, человека вполне светского, образовавшего свой вкус по музыке антицерковной, вносившего поневоле, по естественной необходимости свой элемент в элемент чисто церковный знаменного напева.

Знаменный напев должен оставаться неприкосновенным: неудачное переложение его знатоками музыки доказало эту истину. От всякого переложения характер его должен исказиться. Старинную икону не должно покрывать новыми красками, оставляя неприкосновенным ее рисунок: это было бы искажением ее. Никакой благоразумный человек, знающий отлично иностранные языки, не решится на перевод с них математической книги, не зная математики. Отчего же не придерживаться того же благоразумия относительно церковного пения тем знатокам музыки, которые чужды благодатного духа церковного, даруемого Богом за глубоко благочестивую жизнь. Таково суждение не какого-либо частного человека, таково суждение Православной Церкви. Святой Дух возвестил, что песнь Господня не может быть воспета «на земли чуждей» (Пс. 136, 4). Неспособен к этой песни не только сын мира, но и тот глубоко благочестивый христианин, который не освободил еще от ига страстей своего сердца, сердце которого еще не свободно, еще не принадлежит ему, как поработенное грехом. Неспособен еще к тому тот, кто на поприще христианского подвижничества, весь день сетуя ходит, то есть находится еще в постоянном созерцании греха своего и в плаче о нем, во внутренней клети которого еще не раздался глас радования, раздающийся в духовных селениях праведников. Кто ж способен воспеть песнь Господню? В чьей душе она может родиться в утешение и наслаждение всей Православной Церкви?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Св. Иоанн Лествичник.*

² *Четии Минеи.* 21 июля. Житие преподобных Симеона и Иоанна, спостника его.

³ *Св. Григорий Синаит.* Главы zelo полезные, гл. 128 //Добротолюбие, ч. 1. Память сего святого празднуется Церковию 8 августа.

⁴ Так говорится в Грамоте, выдаваемой архиереем иерею по его рукоположении: «Подобает иерею вседушно прилежати чтению Божественных Писаний, и не инако сия толковати, но якоже церковная светила, святии и богоноснии отцы наши, пастыри и учителя, великим согласиём истолковали». Далее в Грамоте завещается иерею строго-нравственная христианская жизнь.

⁵ Слово преподобного Марка Подвижника. Далее, святой отец объясняет, что три образа благочестия суть следующие: первый — не согрешать; второй — по согрешении терпеть попускаемые скорби; третий — плакать о недостатке терпения, когда не можем претерпевать великодушно попускаемых (Промыслом) скорбей.

⁶ См. Житие Григория Акрагантйского.

⁷ Папизм изобрел ужаснейшие пытки, ужаснейшие казни для человечества. Бесчисленные тысячи людей умерли в душевных темницах, сожжены на кострах, замучены разнообразно. И это ужасное, дышащее убийством, жаждающее крови изуверство называется единым истинным христианством и с иступленною ревностью стремится увлечь всю вселенную в свою ересь. «От плод их познаете их» (Мф. 7, 16), — сказал Спаситель о учителях их и учении их. По плодам своим папизм весьма близко подходит к магометанству: обе эти ереси признают деянием веры и высшею добродетелью все злодеяния и все убийства, совершаемые ими во всяком обществе людей иного вероисповедания.

⁸ *Преп. Марк Подвижник.* Слово о законе духовном, гл. 2.

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ

Письма к монашествующим

П и с ь м о 1

к митрополиту Московскому ФИЛАРЕТУ

(Просьба не назначать его (архимандрита Игнатия (Брянчанинова) цензором и объяснение причин, которые делают эту должность весьма отяготительной для него)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Когда имел я счастье быть у Вас и Вам благоугодно было спросить, не имею ли усердия участвовать в цензуре духовных книг, то внезапность вопроса не позволила мне представить на благорассмотрение Вашего Высокопреосвященства удовлетворительного ответа. Сими строками хочу пополнить оный.

Нахожу должность цензора весьма для себя отяготительною и по душе и по телу. По телу: должен я по крайней мере в неделю раз ездить в Петербург для общих совещаний с прочими членами Цензурного комитета. Весьма часто должно будет мне являться для объяснений к членам Святейшего Синода, в случае их нездоровья или отлучки должен повторить приезд... По душе: решился я принять монастырскую жизнь не для цели честолюбия земного, ниже для цели пострижения; напротив, должен был не без сильной душевной борьбы отказаться от честолюбивых видов и призраков, являвшихся мне во всем блеске в мирской моей жизни. Если присовокупить к сему любовь моих родителей, то могу сказать: сколько сделал я пожертвований многоценных, дабы наследовать уединенную келлию, то село, на коем скрыт бесценный бисер! Десять лет уединяясь (более или менее) в келлии и отвлекая ум мой от многообразности и многочисленности предметов — уже чувствуя, что многие воспоминания во мне замерли, — не могу без очевидного бедствия душевного вдаваться в море забот внешних, суждений, прений, выездов, — в жизнь путешественника...

Прошу и убеждаю Ваше Высокопреосвященство: как милостивое расположение Ваше и доверенность внушили Вам мысль возложить на меня упомянутую должность, так оное же милостивое расположение и внимание к слабостям моим, к душевному направлению и к покорнейшей просьбе да убедят Вас оставить грешного Игнатия плакаться о гресех его. Довольно, предовольно для осуждения моего на Страшном Суде Христовом собственных грехов и настоятельного ига, недостойное носимого. Прошу святых молитв и прощения за многословие.

Архим. Игнатий

21-го декабря 1837 года

П и с ь м о 2

(Архимандрит Игнатий приглашает митрополита Филарета
провести лето в Сергиевой пустыни)

Ваше Высокопреосвященство!
Милостивый Архипастырь и Отец!

Позвольте мне в единонадесятый уже час поздравить Вас с пресветлым праздником Воскресения Христова и приветствовать радостнейшим приветствием: Христос Воскресе!

С того времени, как узнал я, что Вы должны провести нынешнее лето в Петербурге, не могу не беспокоиться насчет Вашего здоровья, коим запасаетесь Вы в продолжение лета на целый год. Кажется, Сергиева пустынь относительно воздуха могла бы затенить Москву, более других окрестностей петербургских, если бы Вы благоволили провести в оной нынешнее лето. Комнаты сухие, при Вашей неприветливости весьма достаточны, кухня особенная, стойла для шести лошадей, навес для кареты, для секретаря особенная, отдельная и поместительная комната, для келейника также, земляники в саду предовольно.

Прошу Вас и молю, Высокопреосвященнейший Владыко, не отриньте сего усерднейшего приглашения!

Не нужно говорить, сколько братия и я были бы утешены Вашим присутствием. Нашу радость разделили бы все те, кои к Вам привержены и кои готовы Вас встретить, заботиться о Вашем летнем пребывании, как бы о верном залоге Вашего здоровья.

Высокопр[еосвященнейший] Владыко! Прошу Вашего Архипастыр[ского] благословения и молитв... С истинным высокопоч[тением] и преданностью честь имею быть

*Вашего В-ва Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейший послушник
Архимандрит Игнатий*

30-го апреля

П и с ь м о 3

к Оптинскому иеросхимонаху Макарию
(О значении Московского митрополита Филарета в издательской
деятельности Оптиной пустыни и другие предметы)
(ГБЛ, ф. 214, № 361. Летопись скита Оптиной пустыни.
1852 — 1860 гг. 22 мая 1853 г. Л. 113 об. — 115)

Ваше Преподобие!

Достопочтеннейший Старец о. Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне грешном и поздравление с великим Праздником праздников, Воскресением Христовым, с которым и я Вас равномерно поздравляю, желая Вам и всей Вашей о Господе братии здравия и спасения.

Приношу Вам благодарность за экземпляр вновь изданной книги преподобного Феодора Студита. Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященнейший Митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, что он желает напечатания книги преподобного Исаака Сирского. Все монашество обязано благодарности этому Архипастырю за издание отеческих книг Оптиною пустынею. Другой на месте его никак не решился дать дозволение на такое издание, которое

едва ли уже повторится. В свое время книги, изданные Вашею обителию, будут весьма дороги и редки. Я совершенно согласен с Вами, что для монашества, которое живет по книгам святых отцов, необходим точный перевод с подлинников посредством лица, вполне знающего монашескую жизнь. Таковым лицом без сомнения был Старец Паисий...

Поручая себя Вашей отеческой любви и испрашивая Ваших св. молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

*Вашего Преподобия
покорнейшим послушником
Архимандрит Игнатий*

30-го апреля 1853 года

П и с ь м о 4

к Оптиному иеросхимонаху Макарию

(О напечатании Оптиной пустыню творений святых отцов)

(ГБЛ, ф. 214, № 361. Летопись скита Оптиной пустыни. Л. 281 — 282)

Ваше Преподобие!

Достопочтенный и многолюбезный Старец отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивое воспоминание Ваше о мне недостойном и за присланную книгу В[еликого] Варсонофия в русском переводе. Все русское монашество обязано особенною благодарностию Оптиной пустыни за издание многих творений святых отцов перевода Старца Паисия, столь точно передававшего отеческие мысли. И перевод на русский язык монашеских отечественных писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братией обители Вашей, нежели перевод их людьми, чуждыми этой жизни.

Отец архимандрит Моисей благоразумием своим и терпеливым ношением немощей ближнего привлек в недро обители своей избранное иноческое общество, которому подобного нет во всей России...

Потрудитесь передать мой усердный поклон о. архимандриту Моисею, о. игумену Антонию, о. Ювеналию и о. Льву.

20-го июля 1855 года

П и с ь м о 5

к брату, занимающемуся умною молитвою

(ГПБ, ф. 1927, № 288)

Призываю на тебя и на начинания твои благословение Божие! Да содействует тебе милость и помощь Божия!

Удивляюсь простоте твоего сердца и утешаюсь ею! Повторяю сказанное в последнем письме моем: «Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпринимаешь с благою целью, — буди благословение Божие». Разумеется: сюда принадлежат отношения твои к ближним...

Человечек! Твое назначение — не себе принадлежать, а ближним! Потрудись доставить им стяжание чистое, святое!

Получив твое письмо от 25 — 29 ноября, я не поторопился отвечать на него: ответ на вопрос, всего более тебя занимающий, мною уже дан в посланном к тебе последнем письме. А я в то время лежал и лежал: лекарство целит меня, но по временам крутит, лишая сил и способностей ко всякому занятию. Ты желаешь иметь от меня подробнейший, точнейший отзыв об отношениях твоих к старцу Н.? Вот он — не следствие слов твоих, но, как подобает, извещение недостойного сердца моего, извещающегося и просвещающегося святым миром. Избрание твое вполне одобряю. Оно — избрание не ветреное, избрание сверстника юного, а человека уже в некоторых летах, имеющего в глубине своего сердца чувство «хранить тебя». Этот человек так устроен и по природному своему нраву, что может служить для тебя, по природе пылкого, преполозным ограничением в твоём наружном поведении. Желаешь, чтоб я утвердил ваше расположение о Господе моим убогим благословением? И призываю на вас благословение Божие, призываю благодать Божию, немощное врачующую, недостаточное восполняющую, споспешествующую всем святым начинаниям, без которой никакое истинное доброе дело совершаться не может. Да творит Господь над вами святую волю Свою, да изливает на вас святую благодать Свою! Во всем этом обстоятельстве нехорошо только то, что ты в порыве горячности давал слово пред Крестом. Отчего бы не дать этого слова со страхом Божиим и смирением, как велит в таких случаях поступать святой апостол Иаков; он завещает говорить так: «Аще Господь восхошет и живи будем, и сотворим сие и оно» (Иак. 4, 15). Не думаешь ли, что обещание от клятвы и порыва получает твердость? Нет! От них-то оно и делается хилым. Давал святой апостол Петр на тайной вечере клятвенное обещание умереть со Христом, и какое же было последствие этой клятвы?... Господь встретил клятвенные обещания, — сказал, что «они от неприязни». Точно, «они от неприязни»! В них — самонадеянность, устранение Бога, оживление самости, плотское мудрование! В них, как замечает св. апостол Иаков, гордыня, хвала, то есть самохвальство! Да стяжут слова наши твердость от крепкого Господа! Да будут они тверды, как основанные на камени заповедей Евангельских.

Вот как я хочу, чтобы ты вел себя в таких случаях, а прошедшее да простит тебе Бог! Вникни: ничего нет чудного, необыкновенного, что мы впадаем в погрешности, что в нас действует грех! Этому удивляются, этим смущаются одни неопытные. Мы все — в падении; начинаемся уже в беззаконии, уже родимся в грехах. Должно с терпением и долготерпением носить «ярем Навуходоносоров», то есть действие в себе греха, и с милостию к себе очищать себя покаянием, повергая немощь свою пред Богом... Всякое нарушение закона очищается покаянием, дело неправильное получает правильность, когда его выправят по Евангельским заповедям. Так очищаются и поправляются обещания клятвенные, данные в явное противоречие закону Божию. Опять превосходным примером нам может служить святой апостол Петр. Нарушив клятвенное обещание свое, от порыва нрава, обещание умереть за Христа, он оплакал свои клятвы плачем горьким; впоследствии, уже водимый Духом и разумом Истины, вкусил смерть за Христа — и с каким смирением! — вкусил ее не как приносящий дар Богу, но как приемлющий дар неоцененный от руки Божией, как вполне недостойный такого дара. Желаю, чтоб ты усовершенлся в любви к ближнему, очистив себя от двух крайностей, от двух друг другу противоположных недугов, которыми заразило падение любовь человеческую: от вражды и от пристрастий. Этого достигнет сердце, когда почует в Боге.

Христос с тобою! Он да причтет тебя к людям «Своим», да дарует тебе ту крепость, которую приемлют от Него люди — точно Ему «Свои».

Р. С. Со вниманием прочитывай мои недостойные письма, не спеша. Моли Бога, чтоб даровал мне слово истинное, духовное, а тебе разумение этого слова. Слово духовное, точно невещественное, неудобоемлемо, ускользает от ума ветхого. Оттого и случается, что перечитывающий его встречает в нем много нового, ускользающего при первом чтении и чтении. Ты — хотя и человек — но ум у тебя, как обращавшийся лишь в вещественном, еще какой-то толстый, духовное переделывает на вещественное. И является у него забота, как у Никодима: «Как человек может родиться стар сый? Еда может второе внити во утробу матери своея, и родиться? (Ин. 3, 4). Мне тебя — мученичка — жаль, у тебя столько разнородных страданий! Не мучься заботами Никодима! Душа моя! Мне бы хотелось — только утешать тебя! Что ж мне делать, когда чаша обильного утешения, подаемая из страны духовной в страну вещественности, для самого вкушения ее требует распятия. Привыкший к вину ветхому не «абие хочет новаго», сказал Спаситель.

П и с ь м о б
к брату, занимающемуся умною молитвою
(ГПБ, ф. 1927, № 288)

Мир тебе! Благодать Божия да сопутствует тебе, да хранит тебя, да устраивает твое внешнее положение. Будь спокоен: все совершающееся с тобою совершается как бы с рабом Христовым, которому должно «многими скорбями внити в Царствие Божие», которому должно «пройти сквозь огонь и воду, и изведена быти в покой», которого сердцу предназначено «возвеселиться утешениями Божиими по множеству болезней его».

При утешениях — за верное, за непрелестное, за Божие принимай одно вполне невещественное духовное действие, являющееся в мире сердца, необыкновенной тишины его, в какой-то холодной и вместе пламенной любви к ближнему и всем созданиям, любви, чуждой разгорячения и порывов, любви в Боге и Богом. Этот духовный пламенный хлад, этот всегда однообразный тончайший пламень — постоянный характер Спасителя, постоянно и одинаково сияющий из всех действий Спасителя, из всех слов Спасителя, сохраненных и передаваемых нам Евангелием. В этот характер облекает Дух Святой, при производимых Им утешениях, служителя Христова, снимая с души его одежду ветхого Адама, облекая душу в одежду Нового Адама и доставляя таким образом существенное познание Христа, познание вполне таинственное и вполне явственное. От всего вещественного отвращаясь — явится ли оно очам телесным или воображению. Оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения. Читающий их непременно заражается духом прелести, любодействует в отношении к Святой Истине — Христу, подвергает сам себя роковому определению Божественного Писания; оно говорит: «Яко се, удаляющи себе от Тебе погибнут: потребил еси всякаго любодейскаго от Тебе» (Пс. 72, 27). Восточные и все чада Вселенской Церкви идут к святине и чистоте путем совершенно противоположным выше приведенному: умерщвлением чувств, крови, воображения и даже «своих мнений». Между умом и чистотою — странною Духа — стоят сперва «образы», то есть впечатления видимого мира, а потом мнения, то есть впечатления отвлеченные. Это двойная стена между умом человеческим и Богом. Из жизни образов в уме составляется плотской, а из мнения — душевный разум, не приемлющие веры, неспособные к живой вере, являемой делами, вообще всем поведением, и рождающей духовный разум, или разум Истины. Потому-то нужно умерщвление и

воображения, и мнений. Понимаешь ли, что мнение — прелесть? Эту прелесть Писание называет «лжеименным разумом» (Тим. 6, 20), то есть произвольным ложным умствованием, присвоившим себе имя разума. Точное и правильное понятие о Истине есть «знание», знание от видения, видение — действие Св. Духа. Когда нет знания истинного в уме, оно заменяется знанием сочиненным. Люди часто сознаются в этом невольно, не понимая сами, какое глубокое значение имеет их сознание; они говорят: «Мы приняли так понимать», то есть составили, за неимением знания точного, мнение, чуждое всякой точности. Итак, мнение — прелесть! Избавляемся от прелести заповеданным в Евангелии самоотвержением, погублением души своей. Погублением души названо отречение от своих мнений, от своей воли, от нестяжательности, от кровавых движений, от чувств — словом сказать, от всей вместе взятой прелести, обнявшей всего человека, все части его, все существо его. Прелесть так усвоилась нам, что сделалась как бы жизнью, как бы душой нашей, совершенно заглушила естество наше, как заглушают плевелы хлеб на поле, чрезмерно удобренном. Устранение у себя прелести названо Богомудрым Писанием с необычайною правильностью, самоотвержением, ненавидением, погублением души своей и проч.

Вслушай и следующее: человеческое повреждение состоит в смешении добра со злом; исцеление состоит в постепенном удалении зла, когда начинает в нас действовать более добро. Совершенное отделение добра от зла, чистое действие одного добра бывает в одних совершенных, и то на время и по временам. Место, где действует одно чистое добро, — небо; на земле — смешение. При наших духовных утешениях продолжает действовать это смешение, только количеством добра превозмогается количество зла, — оттого и утешение. Следовательно, при утешении надо наблюдать крайнюю осторожность, зная, что грех, падение, прелесть близ нас. «Работайте Господеви, — завещает пророк, — со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2, 11). Отвергай с тихостью, как бы отказываясь, как недостойный, всякое изображение, являющееся уму или телесным очам, света или какого святого и ангела, Самого Христа и Божией Матери, всего, всего. Старайся иметь ум твой единственно внимающим словам молитвы, безвидным, не запечатленным никаким образом (как бы этот образ тонок ни был!), незанятым никаким мнением, в полном самоотвержении. Мы пали отвержением Божиего, оживлением своего; а свое у нас — ничтожество, небытие; ведь все, что имели мы до бытия, начиная с которого, включая которое, все получили мы от Бога. Устранив из себя Божие, оживив в себе свое, мы родили «смерть». Провести себя в небытие мы не в силах, но исказить свое бытие, сделать его худшим небытия, родить смерть — мы могли (разумеется, смерть душевную; телесная пред душевной малозначительна, результат ее, и была бы еще отрадою, если б не давала большего развития вечно существующей смерти душевной).

Чтоб умертвить смерть, надо устранить из себя все свое, приведшее и хранящее смерть; в самоумерщвленного проникает Дух и, как Создатель, дарует ему «пакибытие». Когда действия чисто духовные умножатся в душе твоей, тогда всякое чувственное явление потеряет цену на весах твоего ума и сердца.

Хорошо делаешь, что приходящих к дверям твоей душевной клетки просишь подождать до свидания с твоим привратником. С этой же целью храню твои письма; большую часть писем, получаемых мною, истребляю по прочтении и ответе. Несколько раз ты слышал от меня слово «определительность», и не совсем ясно для тебя, что я хочу высказать этим словом. Определительность от «знания», неопределительность — непременно чадо «мнения». Определительность есть выражение знания в себе мыслями, для других — словами. Ей свидетельствует сердце чувством мира. Мир — свидетель Истины, плод ее. Мне очень не нравятся сочинения: ода «Бог»,

преложения псалмов все, начиная с предложений Симеона Полоцкого, предложения из Иова Ломоносова, *athale de Racine* все, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира. Все эти сочинения написаны из «мнения», оживлены «кровавым движением». А о духовных предметах надо писать из «знания», содейственного «духовным действием», то есть действием Духа. Вот этого-то хочется мне дожидаться от тебя! Оду «Бог» слышал я, с восторгом читывал один дюжий барин после обеда, за которым он отлично накушивался и напивался. Бывало: читает и слюна брызжет изобильно на всех и всё, как картечь из крупнокалиберного единорога... Приличное чтение после сытного обеда! Верен, превелик восторг, производимый обилием ростбифа и шампанского, поместившихся во чреве! Ода написана от движения крови, — и мертвые занимаются украшением мертвецов своих! Не терпит душа моя смрада этих сочинений! По мне уж лучше прочитать, с целью литературною, «Вадима», «Кавказского пленника», «Переход через Рейн». Там светские поэты говорят о своем, и в своем роде прекрасно, удовлетворительно. Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они — какое преступление: преоблачать духовное, исказить его, давая ему смысл вещественный! Послушались бы они веления Божия «не воспевать песни Господней на реках Вавилонских». Кто на реках Вавилонских и не отступник от Бога Живаго, на них тот будет плакать. Не унывай! Будь мирен, и со спокойствием, с душевною беспопечительностью предайся водительству веры. Обстоятельства сами покажут, что должно делать. Трудности да научат тебя вере, которую да подаст тебе Податель всех благ видимых и невидимых — Христос!

П и с ь м о 7

в ответ некоторому брату
(ГПБ, ф. 1927, № 288)

Неожиданным, приятнейшим утешением было для меня получение строк твоих, Ангел мой!.. Кто научил тебя быть таким милым, добрым Ангелом? — Во второй раз поступаешь со мною, как Ангел. В первый раз поступил так, когда, встретившись на дороге, пришел нарочно взглянуть на меня, познакомиться со мною, во второй раз — ныне. Сердце мое чувствительно, заметно, памяливо.

Ты два раза записал на нем воспоминания о тебе. Не я предварил тебя приветствием моим; ты предварил это в глазах моих со своею ценою, с полною ценою.

Помни меня, Ангел!.. Помните меня, Ангелы!.. Не умею быть приветливым поверхностью для приличия светского; приветлив ради Христа. Христос вечен и пресвят. Он хранит любовь, которая ради Его, в святине, в неизменяемости, в ровности, в мире, в постоянстве.

П и с ь м о 8

к брату, подвергшемуся душевному смущению от обвинения ближних
(ГПБ, ф. 1927, № 288)

«Возлюбиши искренняго, яко сам себе» (Мф. 22, 39), — заповедует нам Слово Божие.

В исполнение этой заповеди Евангелия предлагаю тебе врачество, которое всегда приносило пользу душе моей, когда душа моя прибегала к нему. Когда душа моя

забывала об этом врачевстве, искала облегчить болезнь свою оправданиями человеческими, думала разрешить задачу страданий человека на земле иначе, нежели Крестом Христовым; тогда она лишь трудилась напрасно! Тогда мучения ее только умножались и усиливались! Врачевство, о котором я говорю, — «обвинение себя».

Много прекрасных изречений об обвинении себя произнес святой Пимен Великий. Прочитай их в книге, которая есть у тебя: «Достопамятное сказание о подвигах святых и блаженных отцов».

Инок, обвиняющий себя, устоит во всех напастях! Какая скорбь может сокрушить того, кто признал себя достойным всякой скорби, того, кто всякую приходящую скорбь встречает словами блаженного разбойника: «Достойное по делам моим приемлю; помани меня, Господи, во Царствии Твоем!»

Какой скорби устрашится тот, кто верует, что на него неуклонно взирает око Божие, что никакая скорбь не может прикоснуться к нему без попущения или мановения Божия? Огради душу твою крестным знаменiem и с верою пустишься в море скорбей иноческих! Благополучный попутный ветер да надувает паруса твои, да несет быстро ладью души твоей в пристанище бесстрастия и святости. Этот ветер, дующий всегда благотворно, всегда постоянно, в одном направлении Божия Духа и Истины: учение Евангелия, учение св. отцов Православной Церкви. Один из этих отцов, св. Иоанн Лествичник, сказал: «Кто отверг обличение, правильно или неправильно, тот отвергся своего спасения». Научись носить немощи ближних, угождать им ради Бога, а не себе! Научись полагать душу свою за ближних твоих! Научись претерпевать выговоры и оплевания! Держись за обвинение себя, как упавший в воду держится за кинутую к нему веревку, — и избавишься от потопления в смущении и печали! Некий великий инок, наставник многочисленного собрания монашествующих в горе Нитрийской, сказал: «Нужнейшее душевное делание инока — непрестанно обвинять себя». Новый человек, описанный, изображенный в Евангелии, да снисдет мало-помалу из Евангелия в твою душу, да изобразится в душе твоей. Да изглядятся из нее черты человека ветхого, черты, которые получаем наследственно при рождении, которые внезапно явились на душе нашего праотца, согрешившего, — и обезобразили эту душу — дотоле образ совершенный Совершенного Бога. Из этого расстройства — все наши смущения и мучения, временные и вечные! Как безобразна душа, когда она в смущении! Как она прекрасна, когда спокойна! Еще прекраснее, когда завеет в ней благодатный мир от Господа. Это спокойствие, самый этот святой мир исходит в душу, обвиняющую себя. И вот тому причина: «Душу, которая будет обвинять себя, — сказал великий Пимен, — Господь возлюбит». Обвинять себя может только умершвляющийся для человека. Кто ж попустит себе малейшее пристрастие к человеку, тот не сможет сохраниться в самоосуждении, а потому и в мире. Надо отдать всех людей Богу. Этому научает нас и Церковь; она говорит: «Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Кто предает себя и всех Богу, тот может сохранить мертвость ко всем; без этой мертвости не может воссиять в душе духовное оживление. Если пребудешь верным Богу и сохранишь умершвление к человекам, то явится, в свое время, нетленное духовное сокровище в душе твоей, узришь воскресение души твоей действием Духа. Об этом плотские люди не могут составить никакого понятия. Когда же, в свое время, человек увидит себя измененным и воссозданным — удивляется, как бы вновь сотворенный, рассматривает страну Духа, в которую ввел его неожиданно Бог, недоумевает, за что бы излилась такая милость Божия на ничтожное создание — человека.

Не унывай при случающихся переменах. Никому из людей не свойственно постоянное, без всяких унижений, пребывание в добре; тем более не свойственно это

новонаначальному! «Отдай долг страстям!» — сказал некоторый святой наставник монашествующих. Побеждения врагуй покаянием! Борьба нового человека с ветхим соделает тебя искусным в невидимых бранях, твердым, мужественным. Не желай преждевременно состояния спокойного! Во время войны воин обогащается корыстями. Да даст тебе Господь полную и славную победу над грехом, да даст состояние нерушимого мира в свое, законное время. Всему есть время! Безвременен снятый плод, хотя и с превосходного древа, — кисел, горек, жидок. Спокойствие безвременное — потеря, а не приобретение! — лишает драгоценных опытов, духовного преупения и просвещения.

Предай Богу скорбящего брата. Бог устроит о нем все во благо и изведет от печали душу его. Сохраняет святую любовь к ближнему тот, кто имеет с ним общение ради Бога; сохраняет эту святую любовь и тот, кто ради Бога удаляется от такового общения. Наше естество повреждено падением; повреждена им и наша естественная любовь. Поэтому для исполнения условий святой любви надо руководствоваться не сердечными чувствами и влечениями, а велениями Евангелия, всесвятыми заповедями Господа нашего Иисуса Христа. Одна из таких заповедей говорит: «Аще десная рука твоя соблажняет тя, отсецы ю и верзи от себе» (Мф. 3, 30), то есть если какой-нибудь человек, столько нужный и близкий тебе, как правая рука, приносит тебе душевный вред, — прерви с ним общение. Так велит нам поступать заповедь Законоположителя совершенной любви. А мечты и чувствования нашего падшего сердца легко могут увлечь нас в пропасть!..

Христос с тобою!

П и с ь м о 9

(О трех родах подвига)

(ГПБ, ф. 1927, № 288, с. 271 — 272)

Есть подвиг телесный, есть подвиг умственный и душевный, есть подвиг веры. Подвиг телесный и подвиг умственный одни, сами по себе, не только бесполезны, — вредны: они растят в человеке его «я». Тщетно думаем ими противостоять греху; только более и более запутываемся в его сетях, погружаемые в его пропасти. Стяжи подвиг веры! Им сокрушишь всех врагов твоих. Подвиг веры умерщвляет человеческое «я», оживляет Бога для человека, — и живой Бог совершает знамения в земле Египетской, вводит Израиля в землю обетованную, избивает от лица его иноплемеников дождем каменным и громами небесными, созидает стены Иерусалима. Стяжи подвиг веры — и будешь всемогущ, будешь всегда победителем. Тогда захочешь ли употребить в дело подвиг телесный, или подвиг душевный, — увидишь их ожившими, возмощенными о Господе. Если же захочешь обойтись без них, — одною челюстью ослею — смирением, — порaziшь иноплемеников. Верую возвеличь в себе Бога, и Он возвеличит тебя бесстрастием и духовным разумом.

П и с ь м о 10

(Утешение в скорби по поводу умопомешательства)

(ГПБ, ф. 1927, № 288, с. 273 — 274)

Бог да утешит Вас в постигшей скорби. Влас главы нашей не падает без воли Его! Иначе взирает мир на приключения с человеками, и иначе Бог. Видим, что св. Нифонт епископ четыре года страдал умоисступлением. Свв. Исаакий и Никита

(который был впоследствии святителем Новгорода) долго страдали умоповреждением. Некоторый св. пустынножитель — упоминает об этом событии Сульпиций, писатель IV века, в рассказе Пустоминиана, путешествовавшего по монастырям Востока, — творивший множество знамений и заметивший от этого возникающую в себе гордость, молил Бога, чтоб для уничтожения славы человеческой попушено было ему умоповреждение и явное беснование, которые и попустил Господь смиреномудрому рабу Своему. Веруем, что без воли Божией не может к нам приблизиться никакая скорбь; всякую скорбь, как приходящую от руки Божией, приемлем с благоговейною покорностию воле Божией, с благодарением, славословием всеблагого Бога, непостижимого в путях Его, дивного во всех делах Его.

П и с ь м о 11

(Советы желающему вступить в монастырь)

(ГПБ, ф. 1927, № 288, с. 275 — 276)

«Блюдайте како опасно ходите, яко дние лукави суть», — сказал апостол. Если в его время нужно было это наставление спасающимся, тем нужнее оно в наше время. Точно! Нужны нам большая осторожность, большая осмотрительность, более благоразумие: примеры святости, средства к достижению святости уменьшились, примеры соблазнительные, средства расстроить себя грехом умножились. Беда и в пустынях, беда и в городах! Но есть еще спасающиеся, и спастись еще возможно по неизреченной милости Божией.

Руководствуясь советом Евангелия (Лк. 14, 28), сочти силы свои, и душевные, и телесные, соответственно им избери себе место жительства.

Тот же Бог, Который спасает в пустыне, спасает и в городе. Тот же грех, который губит в городе, губит и в пустыне. Посему городской ли, пустынный ли монастырь изберешь в место жительства соответственно твоим силам, помни Бога, держись близ Его, удаляйся от греха, от всех поводов к греху, — и Бог будет с тобою. Займись чтением святых отцов Восточной Церкви: они научат тебя непогрешительно идти путем иноческой жизни. Удаляйся от излишних знакомств вне и внутри монастыря и от всего, что приводит в развлечение: развлечение, подобно инею, уничтожает все младые прозябения иноческих добродетелей. Развлечение — начало всех зол для инока: так называли его святые отцы. Ограничься знакомством, необходимым для твоих нужд, душевных и телесных. Не утомляй себя напрасно исканием наставников: наше время, богатое лжеучителями, крайне скудно в наставлениях духовных. Их заменяют для подвижника писания отеческие. Таковы: «Лестница», сочинения Ефрема Сирского и аввы Дорофея, письма Великого Варсонофия, «Патерик Скитский», «Добротолюбие» и другие. Образуй себя чтением их и молитвою в сокрушении духа. Постарайся найти хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его, — и тем будь доволен, ныне добросовестные духовники — великая редкость.

Многие возлагают тяжкие бремена на рамена ближних, но мало таких, которые научили и помогли носить бремена. Остерегись от сети диавола, который внушает неприметно человеку приняться за жительство и подвиги, превышающие силы его: диавол делает это с тем умыслом, чтоб истощить преждевременно силы человека и сделать его не способным ни к какому душеполезному занятию.

Христос с тобою. Поручаю себя твоим святым молитвам.

18-го августа 1848 года

П и с ь м о 12

(Советы настоятельнице монастыря)

(ГПБ, ф. 1927, № 288, с. 277 – 279)

В терпении Вашем стяжайте душу Вашу и души словесных овец Ваших, предавая их умственно воле и Промыслу Божиим: мы, настоятели, — не более как орудия Промысла Божия. Мы, сами по себе, ничего не значим и, без особенной помощи Божией, не можем окормлять не только ближних, но и самих себя. Таковое размышление будет доставлять спокойствие сердцу Вашему. Я говорю с Вами, как бы с самим собою. О непокоряющихся и не внимающих слову спасения не надо очень печалиться; но, сказав им подобающее, предавать их воле Божией, которая может их обратить на правый путь чрез другие орудия и средства, которых в деснице Его бесчисленное множество. К несчастью нашего времени, точно, как Вы изволите говорить, многие, вступая в монастырь, занимаются одним земным и пребывают чуждыми монашеской цели и монашеского направления, сверх того, примером своим и влиянием потрясают и других неутвержденных. Что ж делать? Такое положение очень бедственно, но и это бедственное положение должно возлагать на волю Божию и от души признавать, что мы не заслуживаем другого положения, а если б заслуживали, то правосудный и милосердый Бог непременно даровал бы оное. Таковые размышления доставляют душе, истинно ищущей Бога, мир и спокойствие, потому что Слово Божие определило нам находить успокоение душевное в едином смирении и самоукорении. На ближних сильнее действует молитва о них, нежели слово к ним, потому что молитва вводит в действие Самого всесильного Бога, и Бог творит с созданием Своим все, что Ему благоугодно. Он отверзал сердечный слух для внимания словам Павла; а в тех случаях, когда не действовал перст Божий на слушателей, слова самого великого Павла оставались бесплодными. Будем, достопочтеннейшая мать, пасти вверенных нам овец прилежными и многими о них молитвами, верою, смирением, терпением, душеназидательным посильным и умеренным словом, чтоб слово учащаемое не произвело, по замечанию некоторого великого отца, отвращения к слову в слушателях. И Бог да покроет нас.

Письма к мирянам

П и с ь м о 13

Штабс-капитану Стефану Ивановичу Феодорову

(Счастье и его условие)

(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Любезнейший Стефан Иванович!

Письмо Ваше меня необыкновенно обрадовало. Слава Богу, что Вы переселились из Грузии в Киев, — мне это подает надежду, что по времени Вы совершите и другое переселение, то есть из Киева в Петербург, из которого удобно можете побывать у старого, еще Вами не забытого друга. Но каким Вы его найдете! Не таким, как прежде; не исполненного живости, но изможденного болезнями и трудами, кои сами по себе, хотя и были малы, но относительно моих сил велики. При всем том благодарю Господа — я довольно счастлив, весьма счастлив, не по грехам

моим счастливым. Первое же условие сего счастья есть то, что я христианин и монах, хотя и недостаточный. Во-вторых, есть кругом меня люди, на коих могу взглянуть с искреннейшею сердечною любовью.

Пустыня наша при море — и чувственном, и житейском. Гляжу на то и на другое и радуюсь, что живу на берегу посреди стен монастырских... Затем, желая Вам доброго здоровья и благополучия, имею честь быть

*Ваш усерднейший слуга и богомолец
Архимандрит Игнатий*

6-го июля 1836 года
Первоклассная Сергиева пустынь

П и с ь м о 14

Д. В. Брюзгину

(О приготовлении к смерти, печали по Бозе и печали плотской)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Письмо Ваше имел честь получить! Сожалею сердечно о постигшей Вас скорби, и по сему участию позволяю себе советовать Вам, дабы Вы не предавались излишней печали, которая беде не поможет, а Вас расстроит. Вспомните: всякий человек рождается с тем, чтобы умереть, и сей общей чаши никто из нас избежать не может. Почему о смерти всегда памятовать и часто размышлять должно. Такое размышление побудит нас к делам добрым, необходимым для вечного блаженства и отвратит нас тех злых дел, на которые бы мы решились в забывчивости о смерти. О почившей супруге Вашей тем менее должны мы тужить, что она проводила жизнь свою в правилах и добродетелях христианских и при кончине сподобилась надлежащего напутствия. Когда придет к Вам печаль, то прибегайте к молитве, как и св. апостол Иаков в Соборном Послании советует: «Злостраждет ли кто в Вас? да молитву деет». Молясь же просите Господа о прощении Ваших грехов и о упокоении души усопшей супруги Вашей. Тогда и печаль Ваша будет по Бозе, растворена надеждою и от надежды проистекающим утешением; таковая печаль, как виновная спасению, Законом духовным похвывается. Печаль же плотская, состоящая в одном только сетовании, без молитвы и упования на Бога, учиняет по душе и телу расстройство и от Господа порицается. Сам Господь да пролиет в сердце Ваше утешительные чувства! Желая Вам доброго здоровья и всех благ. С истинным почтением и преданностью имею честь

*Ваш покорнейший слуга и богомолец
Архимандрит Игнатий*

14-го ноября 1837 года

П и с ь м о 15

(Совет девице, пожелавшей вступить в монастырь)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Милостивая Государыня девица Анна Дементьевна!

Как первое письмо Ваше, так и второе от 3-го октября получил, но за разными недосугами не отвечал. Ваше намерение благое и похвальное: ибо все мнимые утешения

плотские скоро мимо текут; и потому весьма безумно провести в суете нашу жизнь, данную Богом для приготовления себя к будущей жизни. По желанию Вашему совет мой Вам преподать: во-первых, молитв Господа, чтобы благословил Ваше намерение и Сам подал возможность к исполнению оного, ибо сказал Дражайший Спаситель наш: «Без Мене не можете творити ничесоже». И святые отцы, яко звезды на небе церковном различными добродетелями просиявшие и самым опытом, то есть самым исполнением заповедей Его, силу словес Его Святейших и Божественнейших узнавшие, говорят: «Всякое дело, хотя и благое, но без молитвы и прошения помощи Божией начатое, не бывает совершенным». И ты убо от молитвы и прошения помощи Божией начни. Во-вторых, всякая девица, желающая поступить в монастырь, по обычаю наших монастырей, должна знать какое-либо рукоделие, дабы оным себя содержать; а при самом вступлении в монастырь должна построить или купить себе келлию, — на это надо рублей триста. Это все постарайтесь приготовить, приготовив же, отнесите ко мне письменно, или лучше лично. Увидев Вас лично и по силе скудного моего рассудка рассмотрев Ваши свойства, с Божией помощию, может быть, и дам Вам совет, в какой именно монастырь поступить. Усердно бы желал Вам и деньгами помочь, да не могу многим: ибо ко мне в обитель много вступает ничего не имеющих и, поддерживая их в их нуждах, сам в нужде остаюсь.

Буди благословение Божие над Вами

*Ваш усердный богомолец
Архимандрит Игнатий*

9-го октября 1838 года

П и с ь м о 16

Графу П. А. Клейнмихелю
(Благодарность благотворителю обители)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Многомилостивый Государь!
Граф Петр Андреевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству искреннейшую благодарность за то милостивое внимание, которое Вы, посреди Ваших многочисленных занятий, обратили на обветшавшие часовни Сергиевой пустыни. Возобновление их будет вполне принадлежать Вашему усердию.

Таким образом Вы включили себя в число тех, о коих ежедневно в храмах Сергиевой пустыни произносится и будет произноситься сия глубокая и сильная молитва: «Благословляяй, благословящая Тя, Господи, и освящаяй на Тя уповаущия, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое, освяти любящие благолепие дому Твоего: Ты тех возпрослави Божественною Твоею силою!»

Граф! Сие благословение, сие спасение, сие освящение да освятит Вас и все семейство Ваше к благополучию на земле и к блаженству на небе!

С чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть и т. д.

(Подпись неразборчива)

19-го июля 1845 года
Сергиева пустынь

П и с ь м о 17

к некоему высокопоставленному лицу
(Описание несчастного случая, происшедшего на пути в Петербург,
и желание в уединении окончить дни своей жизни)

Со мною совершилось несчастье! 23-го августа, полубольной, я ехал к Преосвященному Митрополиту по делам монастыря и благочиния; на 10-й версте от Стрельны дорожный рабочий испугал лошадь моего экипажа, которая, выскочив из построма, его задела, уронила, от чего он и умер. Дав знать о сем куда следует, я возвратился в монастырь, сраженный болезнью и сердечною и телесною. Ныне немного оправясь телом и умом, осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашим... просьбу, извлекаемую из сердца, растерзанного горестию! Дозвольте мне, ... в глубоком уединении, вне всякой должности, — как бы заживо умершим, окончить дни мои! Для сего повелите уволить меня от начальства Сергиевой пустыни с дозволением избрать уединенное место, соответствующее моему слабому здоровью. Понесу в мое гробище тяжкую мысль и тяжкое чувство, что за все милости... истекавшие ко мне прямо из глубины великой души Вашей, я принес Вам только одни огорчения!

Повергая сердце мое, уязвленное острым жалом скорби, к стопам Вашим, с глубочайшим благоговением и совершенною, неограниченную преданностию имею счастье, хотя и недостойный его, быть

Сергиевой пустыни
Архимандрит Игнатий

31-го августа 1845 года
Сергиева пустынь

П и с ь м о 18

Н. Н. Хемшиеву

(О единственном сокровище — познании Спасителя, о своем служении
ближним словом Божиим и о приготовлении к вечности)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

То, что все мы, любезнейший Князь, — кратковременные странники на земле, есть осязательная истина. То, что мы обращаем так мало внимания на вечность, забываем ее, есть верный признак нашего падения не только в теле, но еще более в уме, в сердце. Глядя в себя, мы в себе увидим, что нам нужно спасение, нужен Спаситель.

Познание Спасителя, а чрез то и получение блаженной вечности, есть первое счастье на земле, есть единственное сокровище человека.

Бог привел Екатерину Павловну получить это сокровище; потом, очистив страданиями, призвал в вечность — и в вечность блаженную. Кончина ее оставляет в истинно расположенных к ней воспоминание, в котором соединяется чувство спокойное, чувство верное, с обыкновенным чувством грусти об отшедшем. По крайней мере я так чувствую! И это чувство для меня не ново: его оставили мне некоторые отшедшие отсюда после жизни на земле благочестивой о Господе.

Утешает меня то, что милосердный Господь привел меня послужить Екатерине Павловне душеспасительным словом, хотя и очень недостаточно. Видя, что Бог внушает многим прибегать к моему скудному слову, я не могу не признать, что Бог назначает мне в удел служение ближним словом Божиим. Почему желаю и относи-

тельно Вас проходить сие служение блаженное и возвешать Вам слово Божие, сколько при нерадении и немощи моей я мог познать оное из Священного Писания и писаний святых отцев.

Милосердый Господь да утешит Вас, да укрепит Вас! Быстро, быстро промчится время и наступит для Вас час преселения в вечность. Употребите земные дни Ваши на приготовление к ней. Вы видели в супруге Вашей, как хорошо приготовиться к вечности. Сие приготовление растворяет даже здешние скорби утешением и тем доказывается, что сие приготовление есть приготовление к блаженству.

*О Господе Вам преданнейший
Архим. Игнатий*

5-го февраля 1847 года

П и с ь м о 19

(Поздравление с Новым годом, пожелания, описание состояния своего здоровья)
(ГБЛ, ф. 425, картон 1)

Милостивый Государь Феодор Петрович!

Приношу Вашему Высокопревосходительству усерднейшее поздравление с наступившим Новым годом, желаю Вам препроводить его в вожденном здравии и совершенном благополучии. Благословение Божие да хранит, да осеняет Вас, все семейство Ваше. Повсюду, куда Вы ни обратите взоры Ваши, да встречает Вас одно лишь приятное, одно утешительное: потому что Вы умеете доставлять ближним и приятность и утешение. «В нюже меру мерите, да возмерится Вам!»

На благословенной родине Вашей, — где и природа, и люди встретили меня так благосклонно, оказывают столько одолжительного внимания, что невольно трогают чувствительное сердце странника, — на родине Вашей мне хорошо. Здоровье мое не спеша поправляется...

И, паки призывая на Вас благословение Божие, повторяя желание Вам всех истинных благ, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей душевной преданности и признательности имею честь быть навсегда

*Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою и богомольцем
Архимандрит Игнатий*

2-го января 1848 года